

Народный университет. Педагогический факультет,
№ 3, 1985. Издается ежемесячно с 1964 г.

В. Е. Храпов

ВОСПИТАНИЕ И ТРУД

ББК 74.213.51 X 90

Автор: ХРАПОВ Валерий Евгеньевич — педагог, журналист, выступающий в печати по проблемам воспитания и образования.

Рецензент: Александрова И. А. — заслуженный учитель школы РСФСР.

Храпов В. Е.

X 90 Воспитание и труд. — М.: Знание, 1985. — 96 с. — (Нар. ун-т, Пед. ф-т; № 3). 15 к.

На основе личного опыта автора как учителя, журналиста и отца двоих детей будет рассказано о роли труда в становлении человека. Труд не только физического, умственного, но и труда как основы нравственных взаимоотношений в семье. Автор покажет на конкретных примерах, как формируется привычка к труду, к поиску жизненного призвания.

Брошюра предназначена для родителей, учителей и слушателей народных университетов.

430600000

**ББК
74.213.51
371.012**

© Издательство «Знание», 1985 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ТРУДНОСТИ?	4
ФАБРИКА В РАСПИСАНИИ	7
НЕ ЖИВЕТ СЕЛО БЕЗ ШКОЛЫ	10
НАЙТИ СЕБЯ	14
ДЛЯ ЧЕГО КРУЖКИ В ШКОЛЕ?	20
ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ МОЛОДОЙ СЕМЬИ?	30
ОТПАВШИЕ...	36
ПОХВАЛА	41
ЗЕРКАЛО ДЛЯ ДУШИ	45
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	48
СОДЕРЖАНИЕ	48

Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы. труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится. Недостаток-то этой незримой ценности, производимой трудом, а не недостаток бархата, шелка, хлеба, машин, вина, погубил Рим, Испанию... лишает нравственности и счастья многие тысячи людей.

К. Д. УШИНСКИЙ

Как нельзя воспитать трудолюбие одними словами о труде, так нельзя воспитать его и без серьезных, умных слов.

В. А. СУХОМЛИНСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лекция, посвященная проблемам, вставшим перед школой и семьей в ходе осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы, подходила к концу. Наступило время вопросов. В третьем ряду поднялся мужчина лет сорока пяти:

— Вот вы тут говорите, что все теперь должны быть лучше, что все предприятия становятся теперь базовыми, а мы все воспитателями... А вот я — начальник цеха, и мое дело — обеспечить выпуск насосов. Это я умею, этому меня учили. А воспитателем я быть не умею и не хочу, ни дома, ни на заводе. Тогда что?

— Но ведь тем, что вы отказываетесь быть воспитателем, вы уже воспитываете, — был ответ лектора. Точный ответ.

Хотим мы того или не хотим, но реализация Основных направлений реформы школы всех нас, взрослых, делает воспитателями и не только, как прежде, своих, но и чужих детей, которые для многих из нас должны стать хоть чуть-чуть больше своими. Ибо одна из основных целей реформы — приблизить, школу к окружающей трудовой жизни, а трудовую жизнь — к школе, а дальняя перспектива ее — слияние общеобразовательной и профессиональной школы в единую трудовую политехническую школу, о которой мечтал В. И. Ленин. Ведь в конечном счете только такая школа и может стать подлинной школой жизни.

Реформа восьмидесятых—девяностых годов — не первая реформа, школы, осуществляемая Советским государством. Развитие нашей страны требовало и реорганизации школы, Поиски новых решений общественного воспитания и обучения осуществлялись и в двадцатые, и в тридцатые годы, предприняты они были и на рубеже пятидесятых—шестидесятых годов. Но впервые реформа школы стала делом всех советских людей: в обсуждении проекта Основных направлений реформы школы приняло участие сто двадцать миллионов человек — подавляющее большинство взрослого населения нашей страны. И это не случайно. Мы все больше и больше осознаем необходимость того, «чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, — активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения». Таково требование партии, таково требование времени.

И решать эту задачу нам всем. Семья и школа представляют собой такое диалектическое единство, которое призвано обеспечить развитие ребенка и как неповторимой индивидуальности и как члена человеческого сообщества. Отсутствие этого единства приводит к невосполнимым потерям.

«Следует усилить помощь семье и одновременно поднять ее ответственность за воспитание подрастающего поколения», — отмечается в Основных направлениях реформы школы. Вместе с тем и школа, обеспечивая высокий уровень знаний, необходимых для продолжения учебы в вузе,

«должна ориентировать молодежь на общественно полезный труд в народном хозяйстве и готовить ее к этому».

Организация трудовой деятельности наших детей в школах, на базовых предприятиях, по месту жительства, в семье, воспитание благородной-привычки к труду, привычки, рождающей благо как для окружающих, так и для самого труженика, — вот магистральный путь, по которому должно идти воспитание и в семье, и в школе, если мы хотим видеть своих детей гармонически развитыми.

«Почему так, когда назначением школы было испокон веку учить, а школьников — учиться? Не помешает ли труд знаниям, образованности наших детей? Чем мы, родители, можем помочь школе в ее преобразовании?» Эти и подобные им вопросы не раз раздавались в ходе обсуждения проекта реформы школы. Ответам на них и посвящена эта книжка. В ней собраны наблюдения над нашей повседневной жизнью и размышления о том, что мы можем и должны использовать из нашего настоящего опыта для реализации целей реформы, а от чего должны избавиться как от тяжелого и бесполезного груза...

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ТРУДНОСТИ?

«Я принадлежу к той категории отцов, на которых юмористы хлеб свой зарабатывают: ни в электричестве, ни в столярно-слесарном ремесле, ни в автомобилях ничего не смыслю и лучший отдых нахожу в чтении, частенько лежа на боку.

До недавнего времени я вполне искренне полагал, что в силу генетики, как, впрочем, и образа жизни семьи, «яблочко» — мой сын Тема под яблоней и вырастет. К книгоглотательству, во всяком случае, начиная с четвертого класса, он обнаружил явную склонность, развившуюся за эти годы во всепоглощающую страсть. Отсюда и рыхлость, и малая подвижность.

Но вот с весны прошлого года стал наш Тема, учась в восьмом, проходить практику в межшкольном учебно-производственном комбинате. Что-то они там собирали, выполняли производственный план, помогали заводу. И все бы хорошо, но настали каникулы, а сын заявляет, что в лагерь пионерский не собирается, в деревню к бабушке не поедет и даже со мной на Волгу расхотел. Почему? Будет работать на заводе. Кем? На сборке деталей.

Ну раз так, то пожалуйста. И что же? Сын просто фантастически, сказочно преобразился за это лето. Он повзрослел, стал собраннее, сбросил два килограмма лишнего веса, стал уважать себя и приобрел друзей... Осмысленный труд рядом со взрослыми на взрослом заводе в составе рабочей бригады во имя выполнения бригадного, цехового, заводского задания пробудил в нем дремлющие силы...

В.Павлов,

экономист, г. Белорецк, Башкирской АССР».

Это письмо не так давно было опубликовано в «Учительской газете». Оно отражает то, что многие из нас в ходе осуществления реформы школы стали более отчетливо понимать значение коллективного производительного труда в воспитании и развитии наших детей.

«Трудовое воспитание следует рассматривать как важнейший фактор формирования личности и как средство удовлетворения потребности народного хозяйства в трудовых ресурсах. Нынешняя постановка обучения и воспитания, профессиональной ориентации еще не соответствует этим требованиям. Воспитание у каждого молодого человека осознанной потребности в труде объединенными усилиями школы, семьи, производственных коллективов, средствами массовой информации, литературы и искусства, всей нашей общественности представляет задачу первостепенной экономической, социальной и нравственной значимости» — так рассматривают значение трудового воспитания Коммунистическая партия и Советское правительство в основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы; рассматривают как всенародную задачу.

Почему же так поставлен вопрос? Причин тому много. Но среди первых, наверное, надо назвать ту, что далеко не у всех выпускников наших школ есть привычка к каждодневной добросовестной работе, к той, что называют черновой. Ведь без нее им трудно жить и учиться в настоящем и работать в недалеком будущем. Ропщут порой на молодежь и бригадиры, и начальники цехов, и заведующие лабораториями... В чем же дело? Многие сетуют прежде всего на то, что изменился наш быт. Все меньше и меньше требуется физических усилий для уборки, стирки, приготовления обеда. «Но, ведь, это прекрасно!» — возражают другие. И те, и эти правы. Нет худа без добра, как нет добра без худа. А «худо» — в нашей инертности, в нашей неадаптивности.

Разве при всех тех радостных изменениях, когда в квартире появляются стиральная машина и пылесос, миксер и электрическая мясорубка, мамы начинают жаловаться на то, что им недостает работы по дому? Дети тоже не жалуются просто потому, что им и до этого мало что перепадало. По данным социологов, современный городской школьник на работы по дому тратит в среднем пятнадцать минут в... неделю!

— Сказку про Золушку уже давно переиначили. Современная злая мачеха оберегает от всякого домашнего труда не дочерей, а падчерицу! — так сказала недавно одна моя знакомая. И она была во многом права. За пользу физической нагрузки сейчас вроде бы и никого агитировать не надо. Кто занимается бегом, кто увлечен аэробикой... И тем не менее — пятнадцать минут в неделю!

Настораживает и другое: даже если и есть постоянные, ежедневные обязанности у сына (у дочерей они встречаются чаще), то, в сущности, домашняя нагрузка десятилетнего мальчишки и семнадцатилетнего юноши почти одинакова. И трудовые навыки, которыми они владеют, не очень-то отличаются. В одном из своих выпускных классов я проработал семь лет, начиная с четвертого. И на протяжении этих лет на вопрос «Как сын помогает по дому?» мамы многих учеников неизменно отвечали: «Ходит в булочную, мусор выносит, посуду иногда моет...» И все. И это, как говорится, не худший вариант.

А следствие — нелюбовь к простой физической работе, стремление к «чистеньким» профессиям, которое в лучшем случае обосновывается желанием быть на передовых рубежах науки и техники. Однако даже в условиях научно-технической революции тому же ремонтнику, наладчику, инженеру, ученому надо уметь работать не только головой, но и руками. Любой, самый «возвышенный», творческий труд подразумевает привычку к монотонной, подчас нудной и не очень интересной повседневной работе. Величайший изобретатель прошлого Томас Эдисон любил повторять: «Гений — это один процент хотения и девяносто девять процентов потения» (потения в той самой работе, которую, увы, сплошь и рядом недолюбливают наши дети). И эта проблема будет расти, если мы не научимся решать ее с первых шагов наших детей.

Метод — главный воспитатель. Это неоднократно подчеркивал А. С. Макаренко. Но что такое метод в воспитании, как не форма организации жизни и деятельности наших детей, организации их повседневного быта?

На моих глазах растет мальчишка, который в десять лет может сделать самокат из старого сломанного велосипеда, с удовольствием убрать трехкомнатную квартиру, встретить изумленных родителей целым блюдом самодельного печенья... На вопросы «Что это ты вдруг? Что за праздник?» мальчик, смущаясь, с легкой улыбкой отвечает: «Нам уроков мало задали, вот я и решил сделать...»

Откуда это? Конечно же, от сочувственных, доброжелательных отношений в семье. Но не только. Родители сами не чураются домашней работы и постоянно втягивают в нее сына. Помню, на вопрос «С какого возраста можно давать ребенку молоток в руки?» отец, не задумываясь, ответил:

«С такого, когда он сам возьмет его». А может, мальчишка растет таким потому, что летом вся семья работает на даче? Или потому, что сын — старший, и многие заботы по уходу за младшей сестренкой возложены на него?

Перебирать причины можно долго, но главная, вероятно, в том, что мальчика окружает обстановка, в которой его труд, его работа необходимы близким людям.

Привычка к труду, к работе формируется только тогда, когда мы не только преодолеваем трудности вместе с детьми, но, научив их этому, даем возможность преодолевать самим. И не только даем возможность, но и делаем это условием жизни семьи.

Посмотрите, как упорно идет годовалый малыш, спотыкается, падает, но идет. Идет при том условии, что падает на мягкий ковер или изумрудную зелень травы, а не на корявую, засохшую глину или асфальт. А трехлетнему и асфальт не страшен. И если сердобольная мама не стонала и не хватала ребенка на руки при первом же падении, малыш упадет, но плакать не будет, а встанет и пойдет дальше.

Дети стремятся к самостоятельности. Но они хотят и не боятся преодолевать трудности лишь в том случае, когда чувствуют рядом заботливую руку взрослого, ограничивающую не действия ребенка, а риск преодоления, превращающую этот риск в разумный, нравственный.

Но научиться преодолевать трудности, дети могут лишь там, где им предоставляется такая возможность. И если ваш четырехлетний малыш полезет на лестницу, что стоит на детской площадке соседнего скверика, — пусть лезет. Только вы-то как воспитатель должны разумно организовать это, а попросту: встать рядом, не дать возможности упасть, подстраховать.

Захотелось шестилетнему сыну помочь маме: самому сходить в булочную! И мать учит его... переходить улицу. Сначала «за ручку», потом рядом — раз, другой, третий... И вот он отправляется за хлебом сам! Смотрит налево, потом направо, только не видит затаившуюся под деревом маму, тревожно вглядывающуюся в появившуюся вдали «Волгу»...

Сколько четвероклассников на вопрос моей анкеты «Как ты помогаешь по дому?» с гордостью писали о хождении за три дома во все ту же пресловутую булочную! Но сколько из них не писали даже и этого, потому что булочная у них была через дорогу и родители боялись их пускать. Правда, дорога не мешала этим же ребятам ходить в кино и на каток.

Мудрость воспитателя в том и состоит, чтобы вовремя привлечь ребенка к своим делам и трудностям и вовремя отпустить. Привлечь, чтобы научить, и отпустить, чтобы научился.

Между тем многие родители, ссылаясь на то, что они не профессиональные воспитатели, надеются на школу. Благо с 1986 года ее начнут посещать дети уже с шести лет. Вот там-то, дескать, их и научат любить труд, привьют привычку к работе... Но, во-первых, начинать ее прививать надо намного раньше. Во-вторых, в школе преобладает труд учебный, который для многих современных развитых детей на первых порах не составляет большого труда. (Трудности эти, как мы еще увидим, начинаются несколько позже первого класса). В-третьих, во многих городских школах физический труд, даже если и регулярен, пока не стал повседневной необходимостью. А субботники на территории школы или подшефного детского сада, которыми привыкли гордиться учителя, остаются, пусть Яркими, но эпизодами в жизни ребят.

Вот почему одним из постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 мая 1984 года, реализующих и конкретизирующих Основные направления реформы школы, явилось постановление «Об улучшении трудового воспитания, обучения, профессиональной ориентации школьников и организации их общественно полезного, производительного труда». В частности, согласно этому постановлению «увеличивается время на трудовое обучение, общественно полезный, производительный труд учащихся. На эти цели выделяется во II—IV классах 3 часа, в V—VII классах — 4 часа, в VIII—IX классах — 6 часов, в X—XI (XII) классах 8 часов в неделю».

В несколько лучшем положении в этом смысле были и остаются сельские школьники. Летом 1982 года в качестве специального корреспондента газеты «Советская культура» мне удалось побывать на слете лучших ученических производственных бригад России. И поразили меня, городского учителя, не рекордные урожаи и великолепные опытные сорта овощей и фруктов, выращенных школьниками, не прекрасное владение доильными аппаратами и тракторами, а серьезность, взрослость, человеческое достоинство юношей и девушек, осознание ими своей значимости на этой земле.

А дух коллективизма, который с таким трудом воспитывается в школе — ведь знания нужны прежде всего каждому в отдельности,— разве не прививается он почти автоматически в совместном производственном труде? Вспомним, как это было в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. «Если коммунары не убрали станок, и он покрылся ржавчиной,— писал А. С. Макаренко,— коммунарыское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть, — какой красивый, да?».

И это тоже одна из причин, по которой реформа общеобразовательной и профессиональной школы призвана теснее соединить обучение с производительным трудом не только в колхозах и совхозах, но и на заводах, фабриках, в больницах, магазинах... Решать и решать эту проблему должны не только учителя, но и родители — работники базовых предприятий школ. При ее решении необходимо учесть не только положительный опыт, но и ошибки тех, кто был первым, кто своим трудом предвосхитил многие положения школьной реформы.

Среди них и заслуженный учитель школы РСФСР Нина Константиновна Сысоева. На протяжении пятнадцати лет была она директором средней школы № 146 г. Москвы — школы полного дня, одной из первых образцовых школ столицы. Это благодаря педагогической мудрости и настойчивости Нины Константиновны для учеников 146-й появилась

ФАБРИКА В РАСПИСАНИИ

За пятнадцать лет в школе сложилась определенная система трудового воспитания городского школьника. С первого класса ребят здесь вовлекают в кружки по интересам. А выбор у ребят большой: в школе около шестидесяти кружков и спортивных секций. Интерес к регулярным занятиям, а следовательно, и к труду им прививают через естественную любознательность.

Наряду с этим ребята (как и в других школах, но не везде, увы) заняты необходимыми делами в большом школьном хозяйстве. Здесь стремились и стремятся придать этим делам

регулярность, ввести их в норму жизни школьника. Это. не только дежурства по классу и школе, помощь подшефным детским садам и совхозам, но и посильное участие

всех учеников, в зависимости от возраста, и в работе школьной столовой, и" в уборке территории (школа больше десяти лет обходится без дворника), и в ремонте здания школы, и в строительстве большого спортзала и новой столовой, выросших рядом со старым корпусом.

С другой стороны школы стоят гаражи и автомеханические мастерские, построенные тоже ребятами под руководством шефов еще в девятой пятилетке. Старшеклассники изучают автодело и самостоятельно обслуживают пять школьных машин. Автопредприятия столицы, ГАИ, Советская Армия постоянно получают квалифицированное пополнение, поскольку выпускники школы выходят из нее в основном с удостоверениями, дающими право водить легковые и грузовые машины. Из 340 выпускников прошлых лет 178 работают и учатся по профилю, определившемся в школе.

Начиная с четвертого класса раз в неделю по расписанию ребята работают на соседней кондитерской фабрике «Большевик», то есть заняты серьезным производительным трудом два часа в неделю, а начиная с седьмого класса — три.

Четвертый цех встречает тропической жарой, повышенной влажностью и густым, дразнящим запахом печенья...

Мне не раз приходилось бывать с учениками во время экскурсий и на хлебозаводе, и на фабрике карандашей, и в пошивочном цехе. И всегда в глазах ребят было удивление, но не только от самого производства, но и от сопровождающего его грохота, скрежета, жары. Было видно, что попадали они совсем в другой мир: неведомый и пугающий. Но если ребят смущали только шум и жара, то меня как воспитателя смущало умильное отношение работников и работниц к приходу «детюшек», которых они сразу же начинали одаривать государственным имуществом в виде баранок или карандашей... Вот и думай: чего больше от таких экскурсий — вреда или пользы?

Четвертый цех встречает тропической жарой... Но никакого удивления и умиления работниц не видно. Все давно привыкли. 5-й «А» проходит в раздевалку. Белый халат, шапочка, некоторым, правда, надо напомнить, чтобы помыли руки, и ребята поднимаются на четвертый этаж в упаковочную. Идут спокойно мимо продолжающих выдавать сладкую продукцию автоматов. Автоматизировано пока не все. Есть работа и ребячьим рукам. Объяснять ребятам ничего не нужно — дело привычное. Девочки становятся к весам, что находятся в конце длинной ленты конвейера. Отбраковка и взвешивание, печенья — их работа. У мальчишек работа несколько иная. Одна картонная развертка должна стать днищем, а другая — крышкой коробки сдобного печенья. Цена этой коробки шесть десятых копейки. Лучшие за два часа работы выдают в фонд школы чуть больше рубля, а фабрика получает возможность бесперебойно отгружать свою продукцию.

Но дело не только и не столько в экономических расчетах. Для этих мальчишек и девчонок гордые слова В. Маяковского «Это мой труд вливается в труд моей республики» наполняются личным смыслом. «Хорошо организованный труд подростков, четкий ритм и порядок на производстве, дух рабочей спайки, коллективизма должны практически учить ребят науке жизни, помогать им в выборе и освоении профессии, в формировании высоких гражданских качеств», — в этом видит партия результаты укрепления содружества «школа — предприятие», об этом говорил на встрече с рабочими завода «Серп и молот» К. У. Черненко.

...Как-то по дороге с фабрики допытывался я у одного веселого пятиклассника, не отличавшегося ни примерной учебой, ни примерным поведением:

- А если бы убрали из расписания труд на фабрике, пошел бы туда работать?
- Конечно, пошел бы! Печенья ешь сколько хочешь!
- Ну а если без печенья?
- Все равно пошел бы: там весело...

И ведь, действительно, весело работать вот так, рядом, вместе, и есть возможность показать себя с другой стороны, утвердиться в глазах товарищей и в глазах учителей работой.

Как часто вынужден был я с горечью выставлять, как и другие учителя, двойки и тройки неплохим мальчишкам, у которых по тем или иным причинам не все ладилось с учением. И с еще большей горечью замечал, как они постепенно превращались в болтунов, крикунов, позеров, потому что ничем иным не могли выделиться среди одноклассников. И как приятно прочитав в стенгазете школы № 146, что в прошлом месяце «лучше всех на фабрике работал Артем Парулава (5 «А»)), которому, я знаю, трудно дается русский язык: ошибок в диктантах хватит на четверых... Но одноклассники, одноклассницы, учителя знают и другое: он умеет трудиться. В их, глазах Артем не только ученик, но еще и добросовестный труженик.

Инерция, одноплановость школьной жизни нередко приводят к тому, что некоторые учителя и родители видят в ученике лишь носителя определенных отметок. У нас даже термины сложились: двоечник, троечник, отличник. Увидеть в ученике человека помогает самый простой физический труд.

«Именно труд, а не рассуждения о нем, труд на благо Родины является самым испытанным критерием политической сознательности человека», — подчеркивал К. У. Черненко.

Правда, далеко не все ребята работают так же добросовестно и ответственно, как Артем. «Надо признать, что труд, как таковой, без напряжения, без общественной и коллективной заботы показал себя мало действенным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш заключался лишь в том, что работа отнимала время и вызывала некоторое полезное утомление. Как постоянное правило при этом замечалось, что воспитанники, наиболее трудоспособные, в то же время труднее поддавались моральному влиянию. Хорошая работа зачастую соединялась с грубостью, с полным пренебрежением к чужой вещи и другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, будто выполненный труд освобождает от всяких моральных обязательств; Обычно такое трудолюбие завершалось малым развитием и презрением к учебе и полным отсутствием планов и перспектив на будущее», — писал А. С. Макаренко в статье «По педагогическим ухабам», опубликованной еще в 1935 году.

И тут встает проблема, которую еще предстоит решать многим из нас — проблема эффективно воспитывающей организации труда. Может быть; настала пора перенести идею бригадного подряда, которая усиленно сейчас внедряется, и в организацию производительного труда подростков? Развитие школьного самоуправления, привитие навыков самоорганизации только бы выиграли от этого. Может быть, стоит — как это и намечено в реформе школы — превратить заработанные безличные (а потому часто и безличные) деньги в наличные, реальные, лично значимые? И отчисления в фонд школы, спортивных обществ и обществ дружбы. Фонд мира станут не только действительным вкладом подростков (а не их родителей, как это бывает), но и более действенным. Самому отдать заработанные деньги на доброе дело — это значит осознать, что отдаешь часть своего труда, это значит ощутить свою ответственность за жизнь школы, за благополучие других людей, это значит проделать работу души.

Многих пугают четыре-пять рублей месячной зарплаты в руках детей. Но страшны не деньги, тем более кровные, заработанные, — страшна бессодержательность, бездуховность жизни, которые заставляют тратить деньги на пустые развлечения или устремляют на путь стяжательства.

Когда я стал работать организатором внеклассной и внешкольной работы в 146-й, я попытался с помощью родителей, работающих на фабрике «Большевик», реализовать идею бригадного подряда. Но выяснилось, что инструкциями и другими правовыми документами запрещается выплата денег подросткам. И идея повисла в воздухе... Теперь, когда реформа школы стала реальностью, может быть, настала пора пересмотреть эти пункты законодательства? Ведь Г. А. Алиев на первой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва призывал всех нас «растить, учить, воспитывать юные поколения с более точным учетом тех условий, в которых им предстоит жить и работать через пятнадцать—двадцать лет и далее — в грядущем XXI столетии».

И это касается не только идеи бригадного подряда и оплаты труда подростков, но и новой, современной техники, доверенной старшекласникам и учащимся ПТУ. Это касается всего спектра взаимоотношений между взрослыми и детьми. Появление школьников в трудовых коллективах в качестве не экскурсантов, а сотоварищей по труду накладывает на всех нас, инженеров и рабочих, колхозников и научных работников, особую Ответственность — прямую ответственность перед будущим.

От нас, взрослых, зависит то, насколько организовано и добросовестно будут работать рядом с нами наши и не наши дети и на производстве и, конечно, дома. И речь не должна идти только о старшекласниках, подростках. Привычка к труду, а через нее и к работе формируется сызмальства. Будем помнить великие слова Януша Корчака о том, что ребенок — человек, но только маленький. А следовательно, и он обретает право на труд, причем не в восемнадцать и даже не в пятнадцать лет, а гораздо раньше. Но право только на такой труд, который помогает трудиться и душе.

А что такой труд есть, в этом я убедился в Омской области, куда был направлен в командировку. Цель командировки была проста: описать столь необходимый сейчас опыт закрепления молодежи на селе. Вывод, к которому я пришел в результате этой поездки, может показаться банальным, если бы его не раз и не два приходилось доказывать и руководителям, и рядовым работникам многих хозяйств — все тем же родителям:

НЕ ЖИВЕТ СЕЛО БЕЗ ШКОЛЫ

Омская область была избрана местом командировки не случайно. Еще двенадцать лет назад Омский обком партии рассмотрел и обобщил опыт лучших школ и хозяйств по закреплению на селе молодежи. И села там, действительно, молодые.

«Все может быть...» — думал я в автобусе, увозившем меня в аэропорт, и вспоминал старую деревню на окраине Московской области с уже несоответствующим названием Ново-Никольское. В этой деревне зимой, после отъезда дачников, остаются в пяти домах старики и старушки. Остаются с телевизорами и радиоприемниками, с газом и водопроводом, проведенным еще двадцать лет назад, — со всеми теми удобствами, о которых и не мечтали в годы своей молодости. Остаются в гордом одиночестве — умирает деревня.

Мои грустные воспоминания были прерваны всплеском веселья. Девушка, сидевшая сзади, радовалась шуткам своего спутника. Молодой человек довольно громко рассказывал о том, как хорошо ему живется:

— ...А мы на работе почти ничего не делаем. Придем в контору, пропуска отметим и сидим балдеем или в преферанс режемся... А если начальник в дверь дернется — мы схему на весь стол расстелим и сидим с умным видом: изучаем! Техника! Покрутится он возле нас и уйдет к себе пирамиду из карандашей класть...

Девушка продолжала смеяться.

Мне стало еще грустнее. И подумалось, что до тех пор, пока будут существовать вот такие теплые местечки, где, по выражению их же «работников», получают «зряплату», и пока этот молодой человек с его пронырливостью и изворотливостью будет идеалом для некоторых девушек, да и не только девушек, будут и перелетные птички как в городе,

так и в деревне, которых не удержат ни чистый воздух, ни благоустроенная квартира, ни стадион, ни клуб с новейшими фильмами... Селу нужны не рабсила, не кадры, а труженики.

Труженики... Да, сельский школьник — не городской. Он поднимается с зарей, чтобы накормить поросенка и кур, выпустить уток. Ему не чужда работа на огороде и техника. Это он уже в пятом классе лихо мчит на мотоцикле по ухабам и учится водить трактор под руководством отца. Да и девочки на селе ни в чем не уступают мальчишкам по части домовитости. Но есть у этой домовитости своя опасность — ТРУД для себя, для

своего дома. И вырастают порой из таких вот домовитых детей взрослые, которые дальше своего дома, своей выгоды не видят и не хотят видеть ничего.

Омская земля встретила неприветливо: иссушающая жара. Когда я обратился к инспекторам облоно с просьбой показать лучшую школу, где из года в год выпускники остаются работать в родном селе, они растерялись: «А вам какую? Поближе к городу или подальше? У нас их много...»

И вот село Пушкино — колхоз «Заря коммунизма». От Омска оно теперь всего в семи километрах — город разросся да и село тоже. Но в Омск из Пушкино никто перебираться и не думает. Две с половиной тысячи сельчан живут основательно. Наоборот, многие горожане подают заявления с просьбой принять в колхоз. Но они отклоняются: кадровая проблема давно решена. В чем же причина такого успеха?

Ответ на этот вопрос я искал, глядя на детские коляски, которые катили молодые мамы, на крепкие дома, поставленные на век, не меньше. Правда, метания сельских архитекторов отразились и здесь: в центре дома двухэтажные, многоквартирные, а новые — на одну семью, с привычным для села приусадебным участком — тянутся дальше к околице. Там же, в центре, — магазин, столовая и Дворец культуры. Да, дворец, а не дом. Он вырастает как-то вдруг, сдержанно поблескивая белым мрамором... Хозяева показывают его с особой гордостью. Первый зал — концертный. Просторный и уютный одновременно он почему-то напомнил зал Дворца съездов: то ли своей планировкой, то ли мягкими, удобными креслами, то ли просторной и глубокой сценой. Рядом — кинозал. А на втором этаже — третий зал — зал торжеств. Расписанный голубоватыми фресками, он как-то по-особенному наполнен воздухом. Добавьте к этому библиотеку, помещения для занятий кружков, танцклассы, гримерные, и вы поймете, что это, действительно, дворец.

Неподалеку в тени сада — школа. Внешне она не столь ярка и примечательна (строилась четырнадцать лет назад, когда колхоз не был столь богат). Но внутри восхищала и она. С завистью я осмотрел пять кабинетов программированного обучения: там за пять минут можно выяснить знания целого класса, лингафонный кабинет, где учитель без помех может общаться с каждым учеником. Школа полностью радиофицирована... Не во всякой столичной школе я встречался с этим, не говоря уже о некоторых сельских, где всеобщая слышимость достигается тонкостью перегородок.

Я, вложивший в свое время немало сил и терпения в оборудование кабинета истории, был поражен. Детали — фильмоскопы, диапроекторы, киноустановки, проигрыватели, телевизоры в каждом из четырнадцати кабинетов — уже не удивляли. Удивляло бережное отношение ребят ко всему этому богатству. Известно: что легко достается, то легко и портится. Здесь было не так. За изящными шкафами, за побеленными потолками и полами, выкрашенными в неутомляющий глаз зеленый цвет, чувствовался большой труд учителей и учеников.

—А у нас весь ремонт ребята делают. Никакие ни шефы, ни родители — только ребята, — подтвердила мои догадки директор школы Л. А. Астапова. — Я только заявку напишу, что надо, — председатель тут же распорядится выдать и обязательно проследит, чтобы все в срок было выполнено. Я за ним, как за каменной стеной. Мы, скажу по секрету, — улыбнулась Лидия Александровна, — даже от должности завхоза отказались. Да и кто пойдет на восемьдесят рублей, когда вон доярка зарабатывает по триста — четыреста. Нет, завхоз нам не нужен!

Чувствовалось, что эта маленькая, подвижная женщина, несмотря на возраст, не собирающаяся уходить на пенсию, конечно же, шутит. Обязанности завхоза она разделила вместе с учителями еще девять лет назад, когда стала директором Пушкинской средней школы. Упорным кропотливым трудом была насыщена вся ее долгая педагогическая жизнь. И трудовое воспитание, а точнее говоря, воспитание в труде стало основой жизни школы.

Ребята здесь работают с первого класса. Не только убирают кабинеты, двор, дежурят в столовой, но и на пришкольном участке за ними закреплены делянки. Овощи в школе круглый год все свои, выращенные ребятами, и свинина тоже... Таких

свиноматок, размерами чуть меньше коровы, каких откармливают ученики Пушкинской школы на колхозной ферме, мне встречать не доводилось... Начиная с седьмого класса, с мая по октябрь, старшеклассники трудятся в ученической производственной бригаде. Обрабатывают не только закрепленные за школой десять гектаров пашни, но и помогают колхозу в уборке свеклы, картофеля и других овощей. Нередко и девушки, и юноши подменяют родителей на фермах и молочных комплексах. Поэтому-то все скотники в «Заре коммунизма» имеют отпуска летом, а доярки еще и по два выходных после четырех дней работы!

Чем больше я интересовался жизнью школы, тем больше узнавал о жизни колхоза... Показали мне и благоустроенный лагерь труда и отдыха на пятьсот человек, где летом молодые пушкинцы живут вместе с ребятами из Омска. Лагерь, как и все в колхозе, был построен основательно. Денег на него не пожалели. В миллион триста тысяч обошлось его строительство! Но ведь речь идет о будущем... Каков же итог всех этих материальных и душевных затрат?

— Лидия Александровна,— обратился я к директору,— не могли бы вы назвать имена тех выпускников, что уже прочно осели в колхозе, для кого работа на ферме или в поле — не временное пристанище в ожидании лучших времен?

— Ой много!.. Боюсь, что всех сразу и не вспомню... Ну да ладно, пишите...

Мой блокнот стал быстро заполняться. Список получился большой:

— Хабаров Александр — механизатор, Колобов Сергей — тоже, Мельников Владимир — в гараже работает. Сейчас весь гараж — это выпускники восьмого класса. Окончили СПТУ и теперь работают. Нам сейчас в колхозе ни трактористов, ни шоферов не требуется... Орел Сергей, Майоров Игорь, Андреев Николай... Я почему с мальчишек начинаю? Они-то народ более кочевой... Продавщиц в магазине видели? Тоже наши выпускницы. Учителя наши молодые — тоже все местные. Доярками работают сестры Новиковы... Авдоница Света...

Лидия Александровна продолжала называть фамилии. И какие это были фамилии! Александр Титов, отслужив в армии, вернулся домой. И вскоре выдал на вспашке зяби всесоюзный рекорд. (Правда, было на чем выдавать — в «Заре коммунизма» молодежь получает новую технику). Ныне он золотой медалист ВДНХ СССР. А Галя Ледовских? Закончив школу, пошла в СПТУ, выбрав, как и мама, профессию доярки. О результатах ее работы теперь знает вся страна. Она делегат XIX съезда комсомола, член ЦК ВЛКСМ...

Какая же добротная основа должна быть заложена, какая благодатная атмосфера должна быть создана и в школе, и в хозяйстве, чтобы недавние школьники могли вот так ярко начинать свою трудовую биографию?!

С этим человеком приятно даже дышать одним воздухом, рядом с ним стыдно работать плохо, неорганизованно. Человек этот — Иван Яковлевич Эннс, председатель колхоза. Среди его многочисленных наград и званий меня порадовало

одно, внешне вроде бы не имеющее отношения к труду председателя колхоза,— «Отличник народного образования».

Крестьянский сын, детство которого съела война, все же сумел не только закончить школу, но и Омский сельскохозяйственный институт. В тридцать три он стал председателем «Зари коммунизма». В начале шестидесятых годов хозяйство было не из лучших. Достаточно сказать, что в Пушкино тогда оставалось 70 дворов, а сейчас их 378. Тогда еле-еле сводили концы с концами, а теперь чистая прибыль свыше миллиона рублей в год. Иван Яковлевич по возрасту не мог быть пионером колхозного движения, но энтузиазм у него тот же. Словом и делом всей жизни показывает он, что такое колхоз... Когда я поражался чистейшим, без единого сорняка парам на ровных, как стол, полях, заботливо обсаженных березами, и картофелю, что, несмотря на долгую засуху, упрямо зеленел и цвел, председатель только улыбался голубыми глазами. Когда же я стал допытываться, в чем секрет благополучия картошки, ведь у других давно все выгорело, он ответил не без подтекста: «Так ведь колхозная!..»

«Хорошо,— скажете вы,— но это все о хозяйстве. А при чем тут народное образование, воспитание?» Хотя, думается, уже ясно при чем... Человек, который так ненавязчиво, но очень убедительно, каждодневно доказывает важность и красоту колхозного дела, председатель колхоза, видящий в школе первейший участок своей работы и знающий по именам всех 298 ее учеников, имеет к воспитанию и образованию самое прямое отношение. И когда Иван Яковлевич стал говорить о проблемах сельской школы, я окончательно понял, что передо мной не только дальновидный председатель колхоза, но и тонкий, вдумчивый педагог:

— Мы никогда не проводили границу — вот колхозное, а вот школьное, хотя ведомства, вроде бы, разные... Я и ребятам говорю: «Все ваше — все колхозное». И школа тоже... Только у нее одна особенность — с нее колхоз начинается. Потому-то у нас и поля общие, и фермы. И нет у школы своего мехдвора, не потому, что нам жалко навес построить и выделить трактор, комбайн и другую технику для обучения. Она выделена, и самая новая, но на колхозном мехдворе. Ребята там не только техникой овладевают, но и учатся жить с теми людьми, с кем им потом предстоит вместе работать. Мы не агитируем словами за колхоз. Любовь приходит через общее дело. Вот и остаются ребята дома... Я никогда не был сторонником лозунга «Всем классом в колхоз!» Способности и склонности у людей разные. Вдруг парень талантливый физик, а его — в трактористы... Он — несчастлив, а государство растрчивает свой золотой фонд. И школа, и колхоз должны помочь человеку найти свое призвание. А этого, кроме как через постижение дела, через постижение окружающей жизни, достичь нельзя.

Слушая Ивана Яковлевича, я все пытался понять, что же сближает неторопливого, порой задумчивого, но уверенного в себе председателя и улыбчивую, но вечно обеспокоенную Лидию Александровну? И наконец, понял: светящиеся глаза! Да, светящиеся добротой глаза, стремление сделать жизнь окружающих людей не только богаче, но и красивее.

— Ну а проблемы-то у вас есть? — задал я заранее заготовленный вопрос председателю.

— Конечно, — чему-то слегка улыбнулся он и, посерьезнев, добавил: — Продовольственную программу выполнять надо... Социальные вопросы решать: горячую воду в дома провести, село спланировать получше. Дворец культуры... Это ведь не только здание — специалисты нужны... О новых рабочих местах, о занятости зимой подумать надо. Консервный цех собираемся строить...

И я запоздало понял, чему улыбнулся председатель, и мысленно посетовал на свою наивность: да разве у таких людей может не быть проблем?! Только они не те, что у многих, несегодняшние, а завтрашние, и не одного председателя, а всех. Помнится, десятиклассница Ира Копейкина говорила, что собирается по окончании школы поступать в культпросветучилище по направлению колхоза: новому Дворцу культуры необходим хореограф, а она давно мечтает о такой профессии... Да, у пушкинцев свои проблемы...

«Ну что же, — заметит кто-то, — все ясно. Колхоз богатый, благоустроенный—вот и остаются ребята». Но ведь не всегда был колхоз богатым. Создавались эти богатства трудом колхозников, в том числе и учеников Лидии Александровны и Ивана Яковлевича, учеников не в школярском, а в житейском смысле слова. Богатство, культура — вещи производные, производные от труда людей, от их светящихся глаз.

Совхоз «Память Чапаева» гораздо дальше от Омска. Рентабельным он стал только три года назад. И нет здесь такого, как в Пушкино, Дворца культуры (только сваи пока вбиты), и школа победнее, и лагерь труда и отдыха все еще палаточный, и с жильем, хоть и строят по тридцать квартир в год, все еще проблемы. Но не уезжает молодежь из родного села. Сорок пять выпускников за последние пять лет остались — больше половины.

Когда я спросил директора школы Людмилу Васильевну Грабовскую, в чем же секрет такого успеха, она ответила:

— Секрета никакого нет. Просто мы стремимся научить детей любить свою родину, родные места, Иртыш... Для нас и патриотическое воспитание, и трудовое, и профориентационная работа едины и неразрывны. Ребячишки у нас с первого класса бывают на экскурсиях в поле, на току, на ферме и тоже трудятся, а не только на работу смотрят: выступают с концертами перед своими же родителями. На уроках труда ребята с первого класса начинают знакомиться с трудом доярки, телятницы, тракториста... У нас и макеты для этого сделаны, и родителей для проведения уроков приглашаем. У каждого класса делянка на пришкольном участке... С четвертого по шестой класс работают на учебно-опытном участке, семена для совхоза выращивают. Руководит ими опытный овощевод, технологические карты вместе разрабатывают... С седьмого класса ребята в ученической производственной бригаде... В старших классах изучают профессии операторов машинного доения и механизатора широкого профиля, у нас совхоз молочно-овощеводческий. Преподают специалисты совхоза. Совет по профориентации у нас давно работает. С первого класса наблюдаем, кто к чему склонен. Десятиклассники встречаются с главными специалистами совхоза и уже к марту месяцу знают, кто на какую работу может рассчитывать... Единство совхоза и школы, система, последовательность в работе делают свое дело, — заключила Людмила Васильевна.

Это же могу заключить и я. Когда в разговоре с молодыми доярками я спросил, почему они решили остаться в селе, девушки почти одновременно ответили:

— Как почему?! Мы же здесь родились!

И как же должны быть счастливы и учителя, и родители, и все сторонние, но не посторонние люди, что сумели преподнести, нет, донести повседневными совместными делами простую, но мудрую истину: человек, как и дерево, силен корнями своими. И если эти корни появляются еще в раннем детстве, то такой человек будет прочно стоять на земле, а значит, будет прочна его Родина.

* * *

Воспитание в труде способствует не только объединению педагогических усилий семьи, школы и производства, но и помогает выпускникам решать такую важную и такую сложную задачу, как

НАЙТИ СЕБЯ

Стоял жаркий июльский день. Но пот лил с ребят, которые пришли подавать заявления в Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, и по другим причинам. Снималась телепередача о проблемах профориентации школьников. Доносились вопросы комментатора: «Кто вы? Откуда? Почему решили сюда поступать? Что вы знаете о будущей профессии?»

Я прислушивался к ответам, руководствуясь обыкновенным житейским любопытством. Большинство поступающих не скрывали, что профессию товароведа, экономиста представляют весьма смутно. И ничего удивительного в этом не было. Но ответ милой девушки в аккуратной беленькой блузке был поразительным. Она, несколько смущаясь, сообщила, что приехала из Пензы, училась хорошо, всего две четверки... А посоветовал сюда идти шофер в такси, когда с вокзала ехали. Сказал: «Иди в Плехановский — стоящий институт! Туда сейчас все идут...»

Как же так?! Почему поворот в судьбе этой девушки оказался в руках случайного человека, который может великолепно крутить баранку, но не определять дело жизни девушки, которую он впервые видит. Где были ее родители? Школьные наставники? Где в конце концов были ее собственные мечты, стремления, поиски? Откуда эта полная безответственность перед обществом, семьей, собой?

Несколько лет назад, когда еще не шла речь о реформе школы, не предусматривалось создание экспериментальных центров по профориентации, не вводился курс «Основы производства, выбор профессии», сложные вопросы выбора

пути многие учителя помогали решать выпускникам, руководствуясь собственным опытом. Шел по этому пути и я. Помнится,

на одном из уроков я вопреки плану разразился пламенной речью:

— Знайте,— говорил я десятиклассникам, — работе вы будете отдавать времени не меньше, чем семье. И пребывать на нелюбимой работе так же страшно, как губить жизнь с нелюбимой женой. Все окружающие будут казаться тебе чужими, людьми, увлеченными какими-то странными делами. И не дай бог, получив высшее образование, займешь ты руководящую должность в деле, которое не любишь. Тебе вскоре все опротивит, и ты сам себе опротивишь от страха, что делаешь что-то не так или от боязни, что кто-то займет твое место... Выбирать надо любимую работу или надо уметь делать любую работу любимой. А любим мы только то, что знаем, что умеем... В школе у нас невольно складывается,— продолжал я озадачивать десятиклассников, — не только полезная, но и вредная привычка — черновики. Нам начинает казаться, что мы все, в том числе и собственную жизнь, можем переписать еще раз, как неудачное сочинение... Своим выбором, своими поступками мы, как реки, пробиваем русло, которому где-то и можно повернуть вправо или влево, но вспять — нет. Жизнь пишется нашим делом и только один раз — набело...

Если судить по сосредоточенным лицам десятиклассников, слова мои казались убедительными. Только сам я засомневался. Имел ли я право на такую категоричность? Ведь сам-то я умудрился перепробовать себя во многих профессиях. Правда, это не помешало, а скорее помогло в основной работе — учителем, которой отдано уже девять лет, но поиск продолжается... Я так и не сделал однозначного выбора...

А может, так и надо. Ведь все мы многолики. Сколько у каждого из нас разнообразных увлечений? Вынужденных решений? Но работа в литейном цехе не помешала Юрию Гагарину стать космонавтом, а помогла, научив преодолевать трудности. Сегодня мы знаем — открытия часто рождаются на стыке наук. Наверное, новые и важные человеческие свершения рождаются на стыке профессий. И все же...

Вспоминаю соседа — молодого человека тридцати с лишним лет. Он все еще ищет. Но кого, что? Закончив ПТУ и получив квалификацию токаря третьего разряда, ушел в армию, овладел профессией радиотелеграфиста. Вернувшись, пошел на курсы водителей автобусов, окончил, но шофером проработал недолго — поступил в заочный юридический институт, а работать устроился дежурным электриком в универмаге. По окончании института понял, что юриспруденция не его дело, и сейчас учится на курсах официантов со знанием английского языка...

Куда приведут эти метания уже не юноши, а отца двоих детей, не знаю. Не знает и он сам. И здесь не только его вина, не и беда, беда человека, который не может найти себя. Осуждая его за растроченные государственные средства и за растроченные годы собственной жизни, должны мы осознать и другое — для наших детей подобные метания в юношеские годы возможны. Это неизбежные трудности процесса познания. Ибо сложен, неоднозначен каждый человек, как сложно и любое дело, любая профессия, сложна не своей внешней стороной, а внутренним содержанием, которое открывается нам лишь тогда, когда мы входим в ее мир, а не любимея ею издали. Можно же, конечно, восхищаться легкостью и беззаботностью профессии киноактера и презирать примитивность труда оператора прокатного стана, если не знать, сколько порой обыкновенного соленого пота и штампованных приемов стоит за первой и выдумки, смекалки творчества — за второй...

Но почему эти неизбежные, закономерные поиски должны начинаться по окончании школы да еще с вопросов к чужому, незнакомому человеку? Несомненно, они должны начинаться раньше. И не случайно Основные направления реформы школы предусматривают введение факультативов гуманитарного, естественнонаучного и физико-математического циклов уже с седьмого класса, для подростков двенадцати-тринадцати лет. Ведь к этому возрасту, как правило, начинают проявляться специальные способности: к техническому творчеству, к математике, к биологии и т. д. Но одних

специальных способностей мало. Нужны, необходимы и общие способности. Они видны в любом деле, без них просто дела не будет. Вот почему знакомство с миром профессий начинается еще в дошкольном возрасте.

Программой детского сада предусмотрены экскурсии детей и в магазин, и в аптеку, и на соседнюю стройку. Да и в школах в последние годы все больше и больше говорят о профессиях на уроках, проводятся экскурсии на предприятия, создаются музеи трудовой славы. Их экспозиции рассказывают о предприятиях района, города... Да и мы, родители, нет-нет да и обратим внимание сына или дочери на сноровистую работу машиниста башенного крана, регулировщика на улице. Или даже привезем малыша к себе на работу (если его дома оставить не с кем) и познакомим его немножечко и со своим делом. А то после захватившего мальчишку фильма или телепередачи поговорим с ним о профессии следователя или службе пограничника...

Конечно, делать это необходимо, и мы это делаем. Но это всего лишь первый шаг, занимательная внешняя сторона дела. Задумываемся ли мы вместе с детьми, любуясь тем, с какой ювелирной точностью вписывает водитель автобус в узкую улицу, что ему необходимо не только хорошо знать и чувствовать машину, соблюдать правила дорожного движения, мгновенно оценивать ситуацию на перекрестке, но и уметь вставать на работу в три часа ночи, а во время работы в другую смену вернуться домой, в эти же три часа, проведя день в многоликом одиночестве. Вовремя прервать партию в домино, чтобы не сорвать график движения на линии, и весь день быть предупредительным и внимательным к людям на улице и в салоне.

Стремимся ли мы вместе с нашими мальчишками и девчонками взглянуть на мир из-за стола учителя, из кабинета врача, из-за прилавка продавца, из кабины трактора? Приучаем ли мы наших детей к постижению психологии профессий? Готовим ли к осознанию того, что не только мы выбираем профессию, но и профессия выбирает нас? А для того, чтобы она сделала это точно, необходимо помочь детям узнать самих себя.

И здесь недостаточно поверхностного знакомства и даже вдумчивого анализа, детального рассказа. Кроме осознания своих способностей через слово, должно приходиться их осознание через дело: через напряженные глаза и отяжелевшие руки, через уставшие ноги и мысль, не дающую покоя и ночью, через кожу и... и первые, но обязательные успехи. Только не надо бояться, что первый вбитый гвоздь может испортить пол, а не по руке молоток — поранить пальцы. На пол можно положить дощечку, а молоток подыскать полегче. Отстраняя детей от их крохотного, наивного, но самостоятельного дела (даже из самых гуманных побуждений); когда они так тянутся к нему, мы отстраняем их и от самих себя и создаем загадки и для детей и для взрослых в не столь уж отдаленном будущем.

И для того, чтобы загадок становилось меньше, радовать всех домочадцев должны все дела наших детей, сделанные не потому, что так надо, а потому, что хочется. Но чтобы эти чудеса совершались, необходима и скроенная совместно, с мамой юбка, и построенный вместе с папой шкаф в коридоре. И хотя возрастающие услуги сферы быта суживают круг наших домашних дел, их необходимо находить хотя бы во имя будущего ребенка. Игрушка, склеенная дома из пластмассы или дерева, для воспитания, для общения и взаимопонимания между взрослым и ребенком много дороже самой распрекрасной коллекции миниатюрных автомобильчиков или великолепной куклы, подаренной ко дню рождения. Только самостоятельные действия вместе со взрослым, предупреждающим неудачи, раскрывают глаза ребенка на мир, в том числе и на мир будничных дел, которые лежат в основе любой профессии.

И если число этих обыкновенных дел по дому или, как говорят, по самообслуживанию из года в год будет расти вместе с нашим ребенком, то будет расти и наше знание о нем, его знание о самом себе, о трудовых и мыслительных способностях, умении находить выход из трудных положений. Удивительно емкие слова Ф. Энгельса о том, что труд создал человека, в применении к воспитательному процессу можно перефразировать, что труд создает человека!

Но как бы ни был любим и прекрасен труд по самообслуживанию дома и в школе, он не дает того главного, что должно содержаться в подлинном труде общественно значимых мотивов.

Не раз при наборе старшеклассников в разные лагеря труда и отдыха приходилось выслушивать просьбы их младших товарищей взять с собой и просьбы чадолюбивых мам вычеркнуть сына или дочь из списка. «Зачем ей мотыжить свеклу, если она собирается поступать в историко-архивный институт?!» Ну как объяснить такой маме, что стоит за словами городских школьников, когда они после месяца работы на прополке свеклы под солнцем и дождем говорят: «А хорошо бы приехать сюда в конце сентября и посмотреть, как выросла наша свекла, как коровы ее жуют с аппетитом!» Как передать этой маме радость других ребят (на которых так похожа и еще не похожа ее дочь), когда, зайдя после работы в овощной магазин, они начинали спорить, наша там редиска или не наша? Услышит ли эта мама восторг Светы Потемкиной: «Наша! Вон мои пучки! Я их на петельку завязывала!»? Понятно ли этой маме, что для ее дочери не так пока важно, что она будет делать, гораздо важнее — как и

для кого.

В том-то и состоит значение производительного труда как воспитателя, что он тренирует и проверяет не только мускулы и ум, но и душу подростка. А душа — не что иное, как то, что объединяет нас с другими людьми независимо от повода общения, — наша мораль.

Без души, в таком понимании, любое дело, любая очень удачно выбранная профессия (даже историко-архивная) окажется бессмысленным, мертвящим занятием. Не потому ли до сих пор все мечется в поисках своего дела мой тридцатилетний сосед? Что он ищет? Дело, профессию, способную выразить его душу, его суть, или ищет работенку, способную принести доход? Не знаю... Деньги, конечно же, вещь стоящая, но когда за ними стоит труд, стоит человек, его душа...

Как помочь человеку при выборе профессии? Наука предлагает несколько способов. Один из них, пожалуй, самый простой, доступный и надежный, придумал Игорь Павлович Волков — учитель труда, черчения и рисования средней школы № 2 города Реутова Московской области.

Учителем он стал не сразу. Не обошлось без метаний в молодости. Но, став им, решил, что не допустит повторения

своих ошибок учениками. Будучи практиком, он и в своих научных изысканиях пошел от практики, от дела. Вот как об этом рассказывал он сам: «Известно, что один и тот же человек не может работать на уровне высокой квалификации в любом деле или хотя бы даже в ряде смежных профессий. Возможность приобретения высокой квалификации в значительной степени определяется способностями, склонностями, интересами. А они проявляются в деятельности. Следовательно, их многообразное сочетание можно определить, лишь предоставив ребятам возможности для длительного и многостороннего опробывания себя в различных видах деятельности, а результаты этих проб необходимо фиксировать...»

И появилась в школе рядом с кабинетом черчения комната творчества: верстаки со всевозможными зажимами и подставками, со съемными тисками, столярный и слесарный инструмент, станки и станочки, наборы красок и кистей. А рядом — подсобка с досками и дощечками, с наборами бумаги и обрезками фанеры, жести, ткани и другим чудесным сырьем, которое взрослые почему-то часто называют хламом... По стенам комнаты творчества плакаты и таблицы с образцами изделий и порядком их изготовления, инструкции и рисунки, описывающие последовательность операций при резании, строгании, пилении, правила работы на станках и правила техники безопасности. А в шкафах и витринах великолепные работы учеников прошлых лет, и как образцы, для подражания, и как вещественное доказательство: и ты можешь творить такие чудеса!

Лежат за стеклом цепи, сделанные из одного куска дерева. Когда-то подобную цепь взрослого мастера, которой восхищались все посетители Всесоюзной выставки,

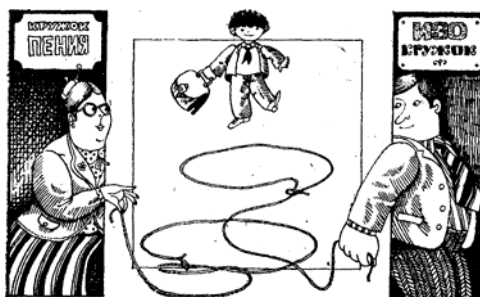
Игорь Павлович предложил сделать ребятам. Кто захотел, попробовал. И вот через несколько дней принесли: первоклассники — цепь в три звена, а кто постарше — в шесть-семь звеньев...

Но не только и не столько за тем, чтобы блистать на выставках, приходят в комнату творчества мальчишки и девчонки от мала до велика. Они приходят попробовать свои силы, узнать свои возможности, поучиться, найти свой интерес. И потому закон здесь для всех один: приходи, делай что хочешь. Хочешь макет из восьми деталей, а хочешь макет церкви в Кижях — 2000 деталей. Хочешь собирай магнитофон собственной конструкции, а хочешь — пиши картины. Никто ничего не навязывает, но если не знаешь что — предлагают. Выбирай. Не получается, помогут — учитель, товарищи. Заболел? Устал? Надоело? Отдохни. Можешь и совсем не приходить или придешь через месяц, два... Это не урок, твоя работа тебя подождет — работай в своем темпе.

Но вскоре стал Игорь Павлович понимать: каким бы разнообразием не отличалась комната творчества, где закладываются основы многих профессий, ей никогда не охватить и малой их толики. На помощь пришли коллеги, родители и... творческие книжки. Сделал доклад на уроке физики, вырастила дома лимоны, собрал модель самолета на станции юных техников, заменил учительницу на уроке рисования во втором классе... приходи, расскажешь ребятам, полюбуемся вместе на работу, сделаем запись в твоей творческой книжке. Записываются только удачи. Неудачи никому не нужны. Что сделал? Кто помогал? Придумал все сам от начала до конца или делал по стандартным чертежам? Отметок ставить никто не будет. Главное — отметить твой успех для тебя же самого. Подойдет пора твоего выпуска из школы, и твоя творческая книжка расскажет, к чему же ты больше склонен: к труду преимущественно физическому или умственному, к работе с природой, техникой или людьми? Выдумщик ли ты или добросовестно выполняешь все по предложенному образцу, а может, умеешь видеть изъяны в этих образцах и совершенствуешь их? В любом случае это материал для определения круга твоих будущих профессий, но круга достаточно узкого, а не безграничного.

Рекомендации Игоря Павловича своим выпускникам оказались весьма точными. Один из них (несмотря на двойки по физике) стал радиомастером шестого разряда в 22 года. И спешат к молодому человеку, которому вроде бы надо еще учиться и учиться, меломаны самых разных возрастов, просят с поклоном посмотреть, отремонтировать их супермодные стереопроекторы и магнитофоны. Другая девушка занялась по совету учителя биологией и в 26 лет стала кандидатом наук, защитив интересную диссертацию. А третий не послушался... Призвание скульптора показалось журавлем в небе, а «трезвый» расчет житейский советовал держать синицу в руках. Не удержал. И в 28 лет продолжил постижение тайн мастерства скульптора...

Вчитываясь, а затем и всматриваясь в опыт ныне заслуженного учителя школы РСФСР, кандидата педагогических наук И. П. Волкова, я видел за ним счастливых ребят, живущих интересными поисками, видел счастливых уже взрослых молодых людей, нашедших свое призвание, и думал о том, что это на удивление простое и талантливое изобретение применимо в каждой школе, в каждой семье.

Н. К. Крупская неоднократно повторяла: «Работая в кружке, подросток может с точностью определить, насколько его удовлетворяет данный вид работы, насколько эта работа захватывает его». Кружок должен существовать не только для того, чтобы наши дети не проводили время в бесплодном шатании по улицам, но и для того, чтобы создать для них большое поле поисков самого себя, своей будущей профессии, своего призвания. Не будем бояться этого слова не только по отношению к профессии скульптора или режиссера, но и по отношению к работе бухгалтера, инженера, слесаря-ремонтника. Кружок в школе или дома с двумя-четырьмя ребятами для нас не только развлечение, но и возможность лучше узнать сына, дочь, их товарищей, а для них это начало одной из тропинок, в мир профессий, начало поиска своего призвания не через поверхностное знакомство с помощью мимолетной экскурсии, а через труд, через деятельность.

И право, не стоит ссылаться на то, что у нас нет талантов. Каждый из нас по-своему интересен каким-то (и не одним) увлечением, и если оно не проявляется на службе, то дома, на отдыхе... Один спешит каждую субботу на зимнюю рыбалку, другая знает сто двадцать три рецепта блюд из обыкновенной картошки, у третьего все стены в чеканке... И пусть эти увлечения не связаны напрямую с миром узких профессий, кому-то из наших детей они помогут полюбить природу и найти свое дело в ней, кому-то почувствовать податливость и красоту матовой поверхности металла, а кого-то просто делают хорошим семьянином. Это тоже немало...

Не стоит, видимо, бояться и того, что такой кружок может просуществовать всего лишь несколько недель, как не надо пугаться того, в чем убеждает опыт И. П. Волкова, что мальчик или девочка не постоянны в своих увлечениях: то авиамодельный кружок, то баскетбольная секция, то картинга, то макраме, а то музыка... Оставим за нашими детьми и в пять и в пятнадцать лет право на поиски, чтобы затем переросло оно в право на выбор. Много хуже, когда право на поиски начинает осуществляться в двадцать — тридцать лет.

Облегчить выбор наших детей призваны создаваемые центры профессиональной ориентации учащейся молодежи. Но, как бы замечательно ни работали эти центры (к тому же их пока не так много), 50% выборов старшеклассников predetermined выбором родителей и других близких людей. Это данные социологических исследований. Вполне понятные и объяснимые данные. Родительская тревога за выбор семнадцатилетней дочери или сына естественна. Юность слабо разбирается в оттенках. Одним мешает романтизм, другим — излишний практицизм.

Чем же руководствуются многие из нас, родителей, давая советы, настаивая на выборе жизненного пути? Одни желают, чтобы дочь или сын продолжили дело отца, матери, деда, дело, в котором они были так счастливы. Другие настаивают, чтобы дети непременно получили высшее образование. Неважно какое. Они в свое время свой шанс упустили и всю жизнь жалели потом об этом. Третьи считают, что главное — хороший кусок хлеба на первых порах, а за ним придут и кооперативная квартира и дача. Четвертые просто призывают искать лучшей доли в других краях...

Все есть в этих советах, пожеланиях, уговорах, требованиях: и мечта, и взволнованность, и трезвый расчет... Но не всегда есть знание собственного ребенка, который уже давно не ребенок. Человек, даже семнадцатилетний, не только наше создание, но и создание природы. И природа, как теперь становится все более и более ясно, жестоко мстит нам за неуважительное отношение к ней. Мы все более глубоко осознаем, как необходимо бережно относиться к лесу, реке, озеру, болоту и даже воздуху, и очень часто забываем, что столь же уважительно, бережно необходимо относиться и к возможностям, способностям наших детей! Из этого не следует, что не должны мы вместе с ними мечтать, дерзать, нет. Но в основании мечты должны лежать наши знания о наших детях и их знания о себе. Лучше, когда эти знания приведены в систему, скажем, творческой книжкой, предложенной И. П. Волковым. Но если ее и нет, не лучше ли, прежде чем давать советы и предъявлять требования, задуматься, вспомнить дела, увлечения, проявившиеся способности сына или дочери? Вместе

очертить, как советуют педагоги и психологи, возможную сферу будущей деятельности. Их на сегодня выделяют пять: «человек—природа», «человек—техника», «человек — знаковая система», «человек — художественный образ», «человек—человек». А потом уточняющими вопросами выяснить: к чему же более склонны дочь или сын, к творческой или в основном репродуктивной деятельности по образцу? К труду преимущественно умственному или физическому? И было бы очень, хорошо, если бы ответы определялись не модой, не престижностью, а знанием. Помочь юноше или девушке точно определить свои возможности — это главная родительская помощь накануне последнего школьного звонка.

Конечно же, можно рассуждать и так, что в сфере «человек — художественный образ» работать плохим художником лучше, чем хорошим маляром, но только надо помнить, что плохая работа еще никому радости и счастья не приносила — ни ее создателю, ни ее потребителю, как не принесут радости нашим детям поверхностные советы. Помочь найти им себя дело не простое, но необходимое, и в этом нас никто не заменит, ни справочник «Для поступающих в вузы», ни водитель такси у вокзала...

ДЛЯ ЧЕГО КРУЖКИ В ШКОЛЕ?

Думается, ответ на этот вопрос в чем-то уже ясен. Занятия, труд в кружках развивают те склонности, способности детей, которые сложно развить, в рамках школьной программы, за партой, помогают выбрать профессию по окончании школы... «Дальнейшее развитие внешкольных учреждений — Дворцов, Домов пионеров, станций юных техников и натуралистов, туристов, спортивных, музыкальных, художественных и хореографических школ, детских библиотек, пионерских лагерей — должно привести в перспективе к созданию в каждом районе комплекса внешкольных учреждений с широким спектром направлений деятельности» — это тоже одно из направлений общественного воспитания, одно из направлений школьной реформы.

Но можно ли его осуществить, если дело обстоит так?

«Моя дочь учится в пятом классе и еще в музыкальной школе, тоже в пятом классе. По пению у нее были пятерки, а потом учительница узнала, что дочь не ходит в школьный хор, и поставила ей по пению двойку, в четверти вышло «четыре». Обидно стало: девочка в музыкальной школе отличница, а по пению в школе — четверка. Но учительница сказала дочери: если не будет ходить на хор, то в следующей четверти вообще будет тройка...»

*Из письма А. Степановой,
г. Таллин.*

«Хочу с Вами посоветоваться. Моя дочь в третьем классе. Все третьи классы в обязательном порядке заставляют посещать шахматную школу два раза в неделю. Неявившихся ругают, ставят по поведению двойки в дневник.

Моя дочь ходит четвертый год в музыкальную школу, и дни занятий шахматами совпадают с днями музыкальных занятий. Получается, надо бросить музыкальную школу?

Если бы ребенок ходил в шахматную школу с желанием и от этих занятий была бы польза, я бы не возражала, многие дети ходят. Но дочь шахматами не интересуется. И вообще многие дети ходят только за тем, чтобы их не ругали и не ставили двойки... Справедливо и правильно ли такое требование школы?»

*Л. А. Кондрашина,
г. Брянск.*

Ситуации знакомые, не правда ли? Они могли возникнуть не только в Брянске или Таллине, и их персонажами могли оказаться не только девочки, занимающиеся в музыкальных школах, но и мальчики, а на месте ретивых учителей вполне могли оказаться и ретивые родители, непременно желающие, чтобы их чадо стало фигуристом или прикоснулось к красотах художественной гимнастики.

Да, мы желаем видеть своих детей всесторонне развитыми, достигающими своим трудом с малых лет вершин мастерства. Для этого, наверное, работают Дворцы пионеров и открываются хореографические училища. Но наши потребности намного выше. И появляются кружки при жэках и в школах. Для этого, наверное, и создаются документы, нацеливающие на максимальное вовлечение детей в кружковую работу. Но в них не говорится о том, как это делать,— это дело педагогов, родителей.

Ретивые администраторы, управленцы были всегда и на производстве, и в школе, и в семьях. Правда, сейчас многие из них начинают понимать, что одной своей волей, одним административным нажимом дело далеко не продвинешь. И появляются такие отрасли знаний, как производственная педагогика, педагогика взрослых. Звучит парадоксально (педагог — значит ведущий дитя, ребенка), но это так. Почему же о педагогике забывают, когда речь идет о детях? Одним застилает глаза мода («Степановский Борька занимается теннисом, а наш чем хуже?!»), другим «процент охваченных», но в том и другом случае — формализм.

Это он мешает увидеть, что попытки собрать стоголосый хор убивают охоту петь. Во всяком случае веселые детские песни после двоек и заниженных четвертных отметок будут звучать в этом хоре фальшиво, неискренне. Убитая подобными мерами любовь к учителю — это, как показывают многие исследования, и убитая любовь к предмету, который учитель представляет.

Более того, эти «меры» вступают в вопиющее противоречие со множеством других целей и задач коммунистического воспитания. Насаждается психология исполнителя по принуждению, из-под палки. Да-да, это те же палки, только замаскированные под двойки, под выговоры. И эта психология распространяется не только на отношения между учителем и учеником, но и на отношения в семье.

Нередко подобную антипедагогику и учителя, и родители, стремящиеся во что бы то ни стало добиться посещения кружка, прикрывают стремлением развить в детях творческое начало. Но их выдает неприятие одного из важнейших элементов творчества — свободы выбора.

Педагог — не управляющий, для которого порой все средства бывают хороши для реализации дела. Дело педагога (и педагога-родителя тоже) — не в деле, а в детях. И наряду со всеми желаниями и указаниями у него должно быть более высокое указание — указание души, души ребенка. В книгах по педагогике частенько можно встретить такие фразы: «этому ребенку уделялось слишком мало внимания, поэтому он плохо воспитан», а через несколько страниц — «этому ребенку уделялось слишком много внимания, поэтому он (тоже!) плохо воспитан». Не видят их авторы, что проблема не в количестве внимания, а в его качестве, в отношении ребенка к этому вниманию. И если ребенок тянется к вам — полезного внимания достаточно, если уходит от вас — значит, мало или много, но всегда бесполезного.

«Но ведь ребенок может и не понимать своего счастья, потому и не ходит в полезный для него кружок!» — возразит читатель. И будет прав. Но в том-то и состоит искусство воспитателя, что он умеет преодолеть этот барьер и донести смысл пользы, а не принудить к ней.

Помню, одна учительница, шестнадцать лет руководившая театральным кружком, в классах, где она преподавала, рассказывала, как она набирает туда мальчиков. Зная, что те не очень-то жалуют театр из-за насмешек товарищей, она за неделю до набора оставалась один на один с каждым из мальчишек и просила: «Знаешь, прямо для тебя есть одна интересная роль... Только у меня просьба. Когда я спрошу, кто хочет записаться, ты, пожалуйста, подними руку...» И, руки поднимал почти целый класс. И тогда уж всем хотелось заниматься...

Наш театр родился неожиданно в первые месяцы существования школы. Молодой учительнице литературы Ольге Федоровне Вакуровой директор школы поручил подготовить концерт к годовщине Октября. Она отнеслась к поручению добросовестно: подобрала стихи, уговорила ребят, а ее муж, Сергей Николаевич, даже музыку записал. Только скучно и с магнитофоном получалось. Пригласили меня, прослышав, что я пять

лет играл на сцене народного театра ЗИЛа. В первый год работы в школе мне было не до театров: трудный 8-й «Б», к урокам готовиться надо... Но товарищи-то новые, школа новая, традиции закладываем. «Как аукнется...» Пришлось помочь. Смонтировал, расставил, поставил. И хотя режиссером никогда себя не мыслил, почему-то у меня получилось. Вернее, не у меня, а у нас. Для ребят и учителей, пришедших из разных школ, этот двадцатиминутный концерт, вдруг объединивший и исполнителей и зрителей, был полной неожиданностью. Овации не стихали минут пять...

Да так и пошло это единение через разделение труда. Ольга находит литературную основу, Сергей готовит с ребятами музыкальное, шумовое оформление, реквизит. Я — постановщик. Хотя не только я... К Новому году решили сделать капустник — переложили всем известные сказки на школьную жизнь. Забавные сценки, смешные реплики, словечки, сюжетные ходы придумывали вместе с ребятами. Им было что найти, вспомнить, открыть. Недостатка в идеях не было... А после спектакля многие реплики разошлись по школе пословицами и поговорками...

За год мы осуществили четыре постановки часа по полтора каждая! С последним спектаклем — «Диалог о Есенине» — пришла слава. Пригласили на районный смотр. А так как на пятьдесят школ района было лишь три подобных театра, то мы почти автоматически стали победителями. А потом были споры до, хрипоты в жюри VI фестиваля искусств пионеров и школьников Москвы. Наши защитники доказывали, что школьный театр должен быть прост, условен, литературен и музыкален, но, главное, в нем должно быть свое, рожденное вместе учителями и учениками. А оппоненты кивали на других: глядите, у них все, как в настоящем театре — и реквизит, и костюмы, и даже парики! А это что? Не агитбригада, не музыкальный, не драматический театр! «Да это и есть настоящий школьный, народный театр! А ваш идеал — жалкая копия, пародия на провинциальный театр прошлого века!» — рьяно защищал нас один кандидат философских наук. Задел он тогда, наверное, многих. И все-таки хочется сказать ему — спасибо! Это, он помог нам осознать, что же такое мы сотворили...

Нам вручили диплом III степени. Но дело не в дипломе. Мы поняли, что создали не только «школу для взрослых». Эти наши первые театралы стали и нашими первыми помощниками на уроках, это они помогали делать жизнь школы более яркой...

Школьный театр... Сколько страстей кипит вокруг него, сколько равнодушия! Чего только ни видят в нем родители, а за ними и дети. Для одних это и проба сил юных дарований, и ступенька к большой сцене профессионального театра, а может, и кино, путь к славе... Для других это пустая трата времени и сил, детская игра во взрослое искусство, которым забавляются учителя, не попавшие в актеры или желающие блеснуть перед коллегами и учениками...

Школьный театр прежде всего школьный. Многие устремления воспитателей аккумулируются в нем. Коллективизм. Если за школьной партой бывает трудно ощутить, как это «один за всех...», то в жизни театра это ощущается на каждом шагу: опоздал на репетицию — опаздывают все, неудача одного — неудача спектакля, неудача всех. Театр — это работа не только для себя, но и для людей, для зрителей. А уж о воспитании в труде, которого так не хватает городским детям, говорить не приходится. Более того, вокруг этого конкретного, живого дела, дающего возможность весьма быстро увидеть, почувствовать результаты своего труда, можно организовать и трудовую жизнь школы. Это и оборудование сцены, и шитье костюмов, и световое оформление, и радиовещание, и многое другое. Но, пожалуй, самое главное: деятельность как актера и даже как зрителя приучает понимать других людей, наблюдать, сравнивать, анализировать, видеть себя со стороны, давать оценки и самооценки. А ведь с этого начинается самовоспитание, которое, в сущности, и есть цель воспитания. Создается тот внутренний двигатель, который работает потом в человеке всю жизнь.

И еще. Мы живем в век телевидения, когда доступность потребления искусства самого высокого качества убивает жажду собственного творчества, народного

творчества... Школьный театр помогает ее сохранить. Да разве только он? Любой кружок, в который идут ребята..

Учитель продолжается в учениках. Только тогда его работа приобретает смысл. И вот встреча.

— Здравствуйте, Валерий Евгеньевич! Не узнаете? Память продирается сквозь незнакомые черты — лихие усики, первые крупные, мужские складки у рта — и вызывает образ веселого подростка: Сережка Кирсанов! Один из ста, прошедших за восемь лет через наш школьный театр. Помнится, лет семь назад, закончив восьмой класс, он поступил в художественное училище.

— Здравствуй, Сережа, — пожимая его руку, улыбнулся я. — Думал, ты меня совсем забыл. Мелькнуло тут как-то лицо похожее — а теперь вижу: совсем не похожее — на твое. Как живешь? Рассказывай.

— Хорошо живу. Из училища меня в армию призвали. Сейчас вернулся, продолжаю учиться на последнем курсе...,

— Театр-то наш не забыл?

— Что вы! Как можно! И в армии театром занимался, и сейчас в училище... У нас там дискотека. Но, знаете, они ведь все бессодержательные какие-то. Пытаюсь организовать нечто вроде театра пантомимы...

Это была одна из редких встреч, когда педагог может ощутить, почувствовать, осознать результаты своего труда... Впрочем, только ли своего? Среди множества наших помощников в деле воспитания, в деле становления наших детей как активных тружеников, «преобразующих мир, а вместе с ним и себя», есть один очень важный, но о нем мы часто забываем. Этот помощник — искусство. Правда, занятые повседневными делами, мы далеко не всегда ощущаем его влияние на наших детей. И это не удивительно. Ибо глубокое влияние искусства как воспитателя, помогающего трудиться душе, наши дети ощущают лишь тогда, когда и нас вместе с ними коснется волшебная сила искусства.

Бывают дни, о которых, кажется, будешь помнить всю жизнь. Во всяком случае этого очень хочется. Правда, психологи до сих пор не знают, какие события запоминаются больше — радостные или печальные. Но этот день будет помниться: в нем были и радость и печаль.

С чего же начался этот день, первый день второй четверти? Жена долго уговаривала сына, слегка обленившегося за каникулы, побыстрее умыться, почистить зубы и убрать за собой постель. Ее поддержал и я: «Сергей! Надо торопиться, а не лениться!» Но Сергей не торопился, продолжая нежиться... Только когда зазвучали позывные «Пионерской зорьки», он нехотя поднялся и стал собираться в школу. Как всегда, в восемь часов жена с младшим сыном поспешили в детский сад, а мы с Сергеем в свои школы. Постель так и осталась неубранной...

Уроки прошли нормально. За время каникул я сумел удачно подготовиться к ним. После обеда поспешил в кабинет: готовить материал для исторического турнира. Но позвали к телефону. Звонил сын.

— Что случилось, Сергей?! — встревоженно спросил я.

— Ничего. Пап, ты пойдешь в кино?

Я совсем забыл, что мы собирались в кино:

— А какой фильм? Как называется?

— «Последний побег».

«Завтра День милиции... Наверное, детектив, — подумалось мне, — но обещал...»

— А мама идет? — я оттягивал решение. Жертвовать временем ради детектива не хотелось.

— Идет, идет! — торопил сын.

— А ты постель убрал? — все еще оттягивая решение, я вспомнил утро и необходимость «единых требований»...

— Нет... До начала осталось двадцать пять минут! — уже расстроено бросил сын.

— Такое стечение обстоятельств, когда мы втроем, оставив младшего сына в саду, можем пойти в кино, бывает нечасто. Да и обещал я Сережке...

— Ладно, бегу... Потом поговорим, — и я положил трубку.

Было уже темно. Шел первый снег. Сегодня действительно удачный день. И несмотря на то, что мы опоздали, нас без всяких разговоров пустили в зал. Фильм уже начался. И сразу захватил голос Михаила Александровича Ульянова, вернее, Алексея Ивановича Кустова — руководителя оркестра в спецшколе со сварными решетками на окнах. Он был порой груб, до неприятности криклив, ироничен в общении со взрослыми и мягок, нежен в общении с родителями и подростками и особенно в общении с нервным, «трудным» мальчишкой Витькой Черновым.

Мне до сих пор не хочется никому пересказывать содержание фильма. Хочется, чтобы его посмотрели все, почувствовали его радость и боль.

Это как о музыке. О ней, конечно, можно много говорить, но становится ли она от этого лучше?

И все же... Речь-то ведь, идет не о музыке, не о фильме, а о жизни. И как в жизни, сюжет прост, только действие спрессовано в два дня. Даже в полтора.

Итак, родительский день для Витьки Чернова оказался крушением опоры в жизни: мать о нем забыла, не приехала. Алексей Иванович, чтобы сгладить Витькину горечь, ведет этого мальчишку, так полюбившегося ему не только за то, что у негр абсолютный слух, к себе домой, в другую, спокойную жизнь. Но ее там нет. Жена, обеспокоенная приготовлениями к свадьбе внучки, не может понять мужа, который в столь ответственный день опять возится с каким-то мальчишкой, полупреступником, и, наливая борщ, ворчит.

«Ну прямо как у нас, — мелькает у меня в голове, — когда жена в очередной раз спрашивает, почему я задержался в школе. О своих детях тоже не всегда успеваешь подумать».

И взаимонепонимание доходит до скандала. Жена уходит, спеша на приготовления к свадьбе, а Алексей Иванович решает отвезти Витьку домой, к матери. А она в порту встречает мужа (Витькиного отчима). А потом веселая компания человек в сорок торжественно отмечает его возвращение после годового плавания. И в этот неподходящий момент Витька с дедом (так просил парнишку называть себя Кустов) подходят к дому... И Витька, окончательно осознав, что матери не до него, бежит прочь от дома, от матери, от деда, от спецшколы, где проверяют карманы, бежит от всех — «страна большая»!

Хромой Кустов не может догнать его. Он бросается за помощью к матери Витьки. Но у нее другая хромота — непонимание собственного сына. Нет, она не пустая, равнодушная женщина. Просто у нее много своих серьезных проблем, проблем ненадуманых. Она мечется между сыном, мужем, дочкой от второго брака и новой свекровью. И такие же серьезные проблемы у Витькиного отца, которого в свое время не поняла бывшая жена, как ту, в свою очередь, не понимает и не принимает свекровь. Только всей этой серьезности в силу возраста не может понять Витька. «А о внуке-то ты подумала?! Мы старые. Нам с тобой помирать, а ему жить», — бросает Кустов Витькиной бабке. Да и отцу мальчишки после долгого разговора говорит приблизительно то же: «Я-то тебя понял, но вот поймет ли тебя сын? О нем-то ты забыл».

Но не это для Алексея Ивановича главное. Главное — найти, обрести Витьку, восстановить его доверие. Он использует все средства, мыслимые и немыслимые. Звучит над городом труба, брошенная Витькой. (Кустов только вчера подарил ее ему.) Но Витька, терзающийся на крыше соседнего дома, не откликается ни на голос матери, ни на голос трубы деда, как не откликнулся он и на беспрестанно зовущий голос Алексея Ивановича, усиленный динамиками милицейской! машины, разрезающий притихший вечерний город: «Витя, это я, Кустов! Витька, вернись!» А в ответ только удивленные лица толпы, вернее, прохожих. И сердце Кустова, перегруженное непониманием и

равнодушием окружающих Витьку людей, все чаще начинает давать сбои. Сначала мимоходом валерьянка, потом «неотложка» с ее уколами и покоем.

Но я увлекся пересказом, а фильмы надо видеть. Надо пережить то неотвратимое, что происходит в конце, когда сердце, переполненное своей болью и болью других, не выдержало.

Может, кто-то и усмехается: сентиментальщина. И была женщина, которая, не досмотрев фильма, спокойно, с поднятой головой вышла из зала вместе с дочкой. Я жалею ее.

Фильм кончился. Труба звучала. Я плакал. Откуда такая экзальтированность у мужчины в тридцать лет? Но плакали и другие. Я был не один!

Домой мы пошли пешком. Говорить, анализировать, сравнивать не хотелось. Только подошли к афише и посмотрели фамилии авторов: сценарист А. Галин, режиссер Л. Менакер...

И сын шел рядом, потрясенный по-своему: «Равнодушный я какой-то! Вот вы плачете, а я ничего...» — «Ну почему же ты равнодушный? Просто у каждого возраста свое понимание...» — успокаивал я и злился на жену, которая свернула в магазин за стиральным порошком. «Пошли быстрее! — сказал я сыну. — Женщины этого никогда не поймут!» Но, пройдя двадцать шагов, остановился. «Давай подождем мать. Чего она одна пойдет?!» А через две минуты сын бросился ей навстречу, выхватил пачки и, несмотря на мороз, понес в голых руках.

А потом мы зашли в детский сад. И младший бросился навстречу к матери, ко мне, пробежав мимо старшего брата. «А меня не заметил», — вздохнув, констатировал Сергей. «Он растерялся, что вдруг мы все вместе пришли за ним», — успокаивал я. И старший тут же простил. А младший тянул домой...

Но домой не хотелось. Хотелось нести в себе этот звук трубы, боялся, что что-то перебьет ее голос.

У дверей квартиры младший спросил: «Пап, ты пойдешь звонить? К Семе пойдешь?..» (У нас нет телефона, и мы ходим звонить к соседям. У них сынишка на год старше Димки, и Димке так хочется поиграть с ним, в его игрушки.) «Нет, — ответил я, — мне никто, кроме вас, сегодня не нужен». Он готов был разреветься. И тогда я сказал: «Пойдем звонить, Дима!»

Сосед открыл молча. Димка тут же прошмыгнул в комнату к Семе, и мне ничего не оставалось делать, как, извинившись, снять трубку. Я позвонил товарищу, которому не звонил год, мы поссорились с ним в пылу спора. Но товарищ разговаривал как ни в чем не бывало. Я сообщил, что только что посмотрел прекрасный фильм. Оказалось, что он его уже видел. Договорившись о встрече, я положил трубку.

Заглянул в комнату, чтобы еще раз проверить отношение соседей к нашему визиту: «Пойдем, Дима...» — «Ну, еще немножечко...» Но молчание надушенных супругов давало явно понять, что мы с Димой — гости непрошенные. И я увел его из комнаты под его рев. И Сема тоже стал хныкать, но отец сумел сказать строгими голосом, что пора спать, и тот осекся. Труба на минуту смолкла, но зазвучала опять. Я тихонечко закрыл дверь их квартиры. В свою — с Димкиным ревом идти не хотелось. И я закружился в обнимку с ним на площадке.

Димка не затихал. И я вспомнил, что в кармане завалились конфетки, припасенные для него с торжественного чаепития в школе по случаю юбилея одной учительницы. За сладостью он успокоился. А я бросился к жене и просил не обижаться, а понять и Димку, и меня, и Кустова... И пожалеть соседей.

Следующий день был не менее долгим, чем предыдущий. Но я за всеми заботами просил и учителей, и ребят войти посмотреть фильм.

Домой пришел очень поздно. В комнатах чистота и порядок. «Молодчина, жена! И когда ты все успеваешь?!» — удивился я. «Это не я. Это Сергей! Я сама удивилась. То посуду не допросишься помыть, а то вылизал всю квартиру. Не только подмел, но и вымыл, все вещи убрал...»

Сыновья спали. Младший безмятежно, раскинув руки, а старший — свернувшись калачиком, зажавшись. Но, может, и в нем поет труба старого хромого музыканта?

Вот так произошло это маленькое чудо в воспитании... Что не могли сделать указания, наставления, «единые требования» родителей, сделал фильм, далекий от «проблем» невымытой посуды и неубранной постели. Но не только в этом состоит «волшебная сила искусства». Его тепло согревает, объединяет нас с детьми, заставляет быть лучше, лучше друг для друга...

* * *

«Шахматный кружок, хор, школьный драмтеатр, кино... А при чем здесь труд? — спросит кто-то.— Это скорее отдых, развлечение...» Для нас с вами, взрослых, может быть, и да... Но К. Маркс считал, что труд — «вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависим от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам». И это высказывание еще более справедливо для ребенка, подростка, только начинающего осваивать окружающий мир, окружающую природу и самого себя. Занятия в кружке, хоре или еще где-либо — это для него труд или работа.

Труд и работа, работа и труд. Эти слова для нас, людей, живущих при социализме, стали почти синонимами, так что над их смыслом мы задумываемся редко. Но ведь существуют эти два различных слова в нашем языке, значит, и понятия за ними стоят разные. Это не игра в слова. За неумением видеть за этими словами их смысл, оттенки лежит непонимание того, что трудом ребенка движет; его желание, а работой — принуждение. Это приводило и приводит к серьезным ошибкам в воспитании, к семейным драмам, дающим свои отзвуки через много-много лет.

Письмо это пришло из Болгарии. Читательница откликнулась на мою статью, в которой говорилось о том, что в воспитании хороши лишь те средства, которые не рвут контактов между детьми и родителями, воспитатель не должен уподобляться управляющему, стремящемуся к тому, чтобы его приказ был выполнен любой ценой.

Уже немолодая мама писала: «У нас единственный и довольно поздний ребенок — девятилетняя дочь. Мы с мужем преподаем в вузе, много работаем. Дочь заканчивает второй класс, ходит в группу продленного дня. Времени на общение с девочкой у нас мало: выходные и по вечерам с 17.30 до 20.30. В эти же часы ей приходится упражняться на фортепьяно. Моя мама в свое время отдала немало энергии и выучила меня музыке. Закончила я музыкальную школу без особого удовольствия, хотя и отлично, и на много лет забросила музыку... Но после рождения дочери меня вновь потянуло к музыке. Мне захотелось, чтобы Оля, как и я, выучилась играть — для себя. Вы, вероятно, уже догадались, что из этого мало что получается: принудилровка, трата времени, нервов, сил.

Девочка очень развитая, живая, все спешит куда-то по своим детским делам, не любит за собой убирать, своевольна. Когда я ее не ругаю, то она очень нежна со мной. Но нельзя же, однако, всегда идти на поводу у ребенка, чтобы он не озлоблялся? Надо же как-то воспитывать чувство долга, послушание, трудолюбие?»

Давать заочные советы — дело рискованное и неблагодарное. Как советовать, не зная ни ребенка, ни его родителей, ни конкретных обстоятельств, в которых живет семья? Эти обстоятельства всегда единственны, неповторимы. Каждый человек исходит из них, выбирая в чужом опыте то, что ему подходит. И все-таки я постарался ответить, так как обстановка, сложившаяся в этой семье, довольно типична.

Радовало, что мама Оли уже видит, к чему приводят принудительные занятия музыкой. Но мало отметить ошибку — необходимо понять причины, ее породившие. Видимо, родителям Оли не удалось превратить занятия музыкой в способ

самоутверждения, который необходим ребенку, не помогли ему одержать хотя бы маленькие победы, без которых трудности (а учиться музыке даже очень способным детям трудно) становятся непреодолимыми. Мы, взрослые, подчас забываем детство с его горестями и обидами, беспомощными протестами. Мы живем в более рассудочном мире — мире достигнутого результата и нередко забываем о его цене. Силы же ребенка направлены не только на результат, но и на овладение способами его достижения. Для него любое дело по сравнению со взрослым — двойной труд. Став родителями, мы должны снова учиться — учиться понимать своих детей и их двойной труд. В условиях отчуждения это невозможно, будь у родителей для этого не три, а все двадцать четыре часа в сутки. Понимает ли это мама Оли?

Понимает ли, что сопротивление девочки любым попыткам управлять ею может быть как раз следствием трехлетних занятий музыкой под материнским давлением. Может быть, это — естественная реакция на излишнее родительское рвение в приучении к труду, а точнее, к работе за фортепьяно... Что ж, в жизни немало тяжелой, черновой работы, которую человек вынужден делать в силу тех или иных обстоятельств и к которой тоже необходимо приучать детей. Но при этом ребенку очень нужно сознавать, что в конечном счете эта работа необходима ему или его близким. Только тогда она может стать для него трудом...

«Машина и животное работают, работает и негр, боящийся только плети надсмотрщика и не ожидающий для себя никакой пользы из своей работы: несвободный труд не только не возвышает нравственно человека, но низводит его на степень животного. Труд только и может быть свободным,

если человек сам принимает за него по сознанию его необходимости; труд же вынужденный, на пользу другому, разрушает человеческую личность того, кто трудится, или, вернее сказать, работает».

Это слова выдающегося русского педагога К. Д. Ушинского, для которого, как и для многих других, труд человека был и остается главным воспитателем. Но только труд, а не работа. К работе привыкают через труд, но не наоборот. Еще ни для кого вынужденная работа не стала вдохновенным трудом, не будучи озаренной радостью, желанием что-то сделать для себя, для людей.

Желания, потребности, мотивы человека — вот тот пробный камень, который помогает отличить труд от работы. Но детские желания очень неустойчивы. Они легко появляются и так же легко исчезают. И поэтому, приучая детей к труду — учебному, домашнему, производительному, — мы, должны прежде всего хорошо организовать труд, а это значит: сделать его для ребенка победным (только победы приносят радость!), в противном случае мы рискуем убить в детях всякое желание трудиться. А оно у детей есть. Каждый из них хочет трудиться, как взрослый: вспомните, как дети увлеченно играют в шофера, летчика, учителя... Надо только умеючи сохранить и поддержать детское желание. В этом и заключается смысл управления в воспитании.

А девочка, о которой идет речь в письме, наверняка хотела заниматься взрослым делом — музыкой. Но в письме, к сожалению, не сказано, как ее учат. Не так ли, как учили сто — двести лет назад: садись и играй нудные скучные гаммы!? «Но ведь так не одно поколение учили и выучивали!» — может возразить кто-то. Да, выучивали, но или самых способных или самых послушных, не способных на протест. Это во-первых. Во-вторых, в те времена даже самое примитивное созвучие переполняло детскую душу радостью приоткрытой тайны. А сейчас? Радио, телевидение, магнитофоны, стереопроекторы выдают высочайшие образцы музыкального исполнения, в сравнении с которыми ребенок кажется сам себе таким неумехой...

Учитывает ли эта мама, да и многие другие родители, стремящиеся привить своим детям любовь к учебному труду за пианино да и к любому другому ежедневному труду, и более очевидные условия: четыре-пять часов в классе, четыре в группе продленного дня, а потом дома гаммы?.. Хватит ли на это физических сил взрослого человека, а не только девятилетней девочки, которой и побегать, и поиграть хочется?

Всему есть пределы. И детской работоспособности тоже. И если мы не можем вместе с ребенком перескочить через них, то можем и должны раздвинуть эти пределы. Этому и служит труд, который есть не что иное, как преодоление, преодоление трудностей...

Но прежде чем это произойдет, должен быть проделан труд воспитателя. А его-то в этом случае и не видно. Смогла ли мама Оли организовать занятия дочери не только «для себя», но и для других? Выступила ли девочка хоть раз перед одноклассниками, встала хоть раз, а лучше не раз и не два из-за рояля, окрыленная успехом, осознавая, чувствуя, что ее ежедневная работа, ее ежедневный труд нужен другим?

И хотя речь в письме идет о занятиях музыкой, в равной мере она могла бы идти и о любых других занятиях: от математики до спорта или труда в школьной мастерской. Мы, взрослые, можем жить и далекими перспективами. Дети живут в другом темпе, для них время течет иначе. Для нас с вами, скажем, месяц безрезультатных занятий — миг, для ребенка — вечность. Но если мы не помогли ребенку одолеть эту вечность, а наоборот, увеличили ее, посчитав, что дочке для всестороннего развития нужна не только музыка, но и фигурное катание, и художественная гимнастика, и кружок рисования, и перегрузили ее, то невольно рвем с ней человеческие отношения, контакт, превращая дочь лишь в послушного робота. Тем самым мы подрываем у ребенка любовь не только к себе, родителям, но и к той же музыке... Увидев сопротивление ребенка тем или иным занятиям, должны мы прежде всего не понуждать и принуждать его, а разобраться, в чем мы совершили ошибку, в каких занятиях есть крайняя нужда, а от каких можно отказаться.

Многие знают, как Владимир Ильич Ленин любил музыку, жалел, что не умеет играть. Гораздо меньше известно то, что, когда ему было восемь-девять лет, родители пытались выучить его игре на фортепьяно, но безуспешно: очевидно, помешал живой характер сына. Можно ли не увидеть в этом факте подчеркнутого уважения Марии Александровны и Ильи Николаевича к сыну, уважения, позволившего сохранить на всю жизнь и его любовь к музыке, и добрые отношения в семье?

Семья — коллектив, объединенный множеством ежедневных, ежечасных целей, но эти цели должны быть подчинены одной, главной — создать и сохранить духовную близость. Не из мелочей складывается главное, а главное (любовь и доверие между родителями и детьми) проявляется в мелочах. А если не проявляется, виноваты мы сами. Значит, не сумели правильно и вовремя выбрать, что лучше: музыка сквозь слезы или смех без музыки.

Быть педагогом — значит вести за собой. Но вести можно лишь того, с кем идешь рядом. Детские шаги очень коротки. И если нам кажется, что ребенок отстает, то это значит, что наш с вами шаг слишком широк: мы хотим от ребенка больше, чем он может. И это первый сигнал нам, воспитателям, сигнал о помощи. И эта помощь может быть оказана при учете закономерностей развития детей. Пусть речь идет даже не об обучении игре на фортепьяно, а о простой привычке девятилетней девочки убрать за собой на письменном столе. Когда ей было лет пять-шесть, этого можно было бы достичь играючи: «Давай-ка наведем порядок, как в школе! Как у папы и мамы на работе!..» Ибо игра в этом возрасте — основной вид деятельности детей. И легко, без нажима вовлечь детей в труд, в преодоление кажущихся им трудностей в этом возрасте можно только через игру. Играя, дети готовы сделать что угодно, если хватает силенок. Необходимо только направлять их энергию, формируя нужные и нам и им потребности.

В девять лет, конечно, играть с детьми гораздо труднее. Основной деятельностью для детей в этом возрасте становится познавательная деятельность — деятельность, направленная не на манипуляцию предметами, образами, понятиями, как игра, а на постижение закономерностей в окружающем мире. Опираясь на эту деятельность и используя уже знакомые ребенку элементы игры, можно, скажем, предложить соревнование: у кого на столе разумнее разложены книги, тетради, письменные принадлежности — у мамы или у дочки. И если в этом соревновании победит дочь, мать одержит двойную победу: девочка сделает шаг к умению поддерживать порядок, к

тому, что домашний труд постепенно станет привычкой — обыденной работой, а мать не разорвет, но обретет еще одну ниточку, связывающую ее с дочерью.

Только не надо торопиться штурмовать вершины, которые нам, взрослым, кажутся первостепенно важными. Если контакт с детьми подорван, то прежде всего для восстановления взаимопонимания и доверия нужно восстановить его. И для начала гораздо лучше поспешить с дочерью «по ее детским делам».

Первое условие воспитания — это прежде всего добрые, нравственные отношения между воспитателем и воспитанником, отношения доверия друг другу. Они складываются не всегда так быстро и просто, как хочется. И нельзя воспитать привычку к труду, опираясь на чувство долга перед семьей, матерью, не воспитав прежде, не пробудив чувства любви к ним. Необходимо, чтобы ребенок прежде осознал, почувствовал, как много они значат в его жизни. И не только вообще (на это-то «вообще» мы чаще всего и уповаем), а вот сейчас, в данную минуту, когда так хочется пойти погулять с подружками, а мама посылает в магазин... И просит, а не требует.

Просьба, повторенная несколько раз даже в самой мягкой и вежливой форме, становится требованием. И то и другое в жизни необходимо. Но, исключая просьбы и предъявляя одни лишь требования, мы лишаем детей свободы выбора, радости самостоятельно принятого решения, а в конечном счете возможности проявить свое отношение к любому человеку, к любому делу. Но ведь то, что не проявляется, перестает и существовать. И труд без любви к нему, прямой или опосредованной, тоже...

Любовь, долг, добро, зло... Понятия эти кажутся абстрактными, но в каждодневном общении с ребенком они проявляются весьма конкретно.

Переполненная электричка. Двухлетняя девочка рвется с колен матери к чужой тете, размахивает ручками, улыбается. Мать шлепает ее, усаживает на место. Что же для этой матери дороже: любовь дочки к ней или «правильное», «должное» поведение, без баловства? Да и что такое — баловство детей, отклонение от должной нормы поступков?

Для себя я пользуюсь такой формулой запретов и разрешений, позволяющей сохранять контакт с детьми: «Признание потребности ребенка, способы удовлетворения которой не причиняют вреда ему и окружающим». Правда, умение смотреть и видеть вред приходит с опытом. Но разве можно признать нормальным, разве это не очевидно, что неубранная постель или отказ сходить в магазин не должны быть причиной ссоры на неделю, в течение которой ребенок растет без нашего внимания, без общения с нами?

И дело не столько во внимании, сколько во взаимовнимании, без которого невозможно воспитание в семье, личным примером, родителей. Если дочь или сын тянутся к вам, если вам интересно быть друг с другом — все в порядке. Если один не воспринимает другого — значит, в отношениях что-то нарушено. И конечно, взрослый, тот, кто добрее, умнее, сильнее, опытнее, должен найти причину этого нарушения и способ восстановить равновесие — ребенку сделать это гораздо труднее. В этом суть другой формулы, которую мы все вроде бы знаем, но которой далеко не всегда пользуемся: воспитывая детей, мы воспитываемся сами.

И еще одну формулу уместно было бы вспомнить. Дети, особенно маленькие, — наше зеркало. Глядеться в него бывает иногда приятно, а иногда и не очень... Так давайте не спешить, и не принимать скоропалительные решения, не взглядевшись внимательно в это свое отражение.

Все эти соображения, вызванные письмом Олиной мамы, касаются и воспитания вообще, и трудового воспитания в частности. Привычка к труду не рождается, не воспитывается сама по себе, из одной работы наших детей, будь то регулярные занятия музыкой, в школе или работа на колхозном поле. Труд только тогда воспитатель, когда за ним стоит и наш повседневный родительский, воспитательский труд, и физический, и умственный, и нравственный. Ибо в жизни, а не на бумаге, невозможно разделить, разложить труд воспитателя и воспитанника по каким-то одним, определенным направлениям. В каждом из наших совместных дел с детьми, будь то уборка в квартире или работа на огороде, решение задачи по физике или культпоход в театр, заключено и физическое, и умственное, и этическое, и эстетическое, и трудовое воспитание. Какие бы

направления мы с вами ни выбирали, они все там: в нашей совместной жизни с детьми, в совместных делах. Выделение того или иного направления лишь помогает нам увидеть с другой точки объемную и многогранную нашу повседневную жизнь — самого главного воспитателя. Но от того, как мы ее осмыслим, организуем, будет зависеть, работает ли этот воспитатель на нас или против нас, в направлении наших целей и желаний или вопреки им.

«Трудовое воспитание нельзя представлять как применение разрозненных средств или организационных форм. Я читал немало Газетных статей, авторы которых считают, что, если в сельской школе есть учебно-производственная бригада, а в городской школе мастерская, — проблему трудового воспитания можно считать решенной. Конечно, и бригада, и мастерская — очень важные вещи. Но и это лишь отдельные грани трудового воспитания. Трудовое воспитание — это исключительно емкое, многогранное понятие. Многие годы работы в школе, сотни человеческих судеб — все это твердо убедило меня в том, что трудовое воспитание — весь смысл, вся устремленность жизни школы и семьи» — так считал В. А. Сухомлинский. Не в этом ли и состоит

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ МОЛОДОЙ СЕМЬИ?

Трудности, чуть ли не приведшие к развалу этой семьи, как это часто и бывает, были следствием пробелов в трудовом воспитании будущих супругов. Не готовы они были к повседневному домашнему труду, являющемуся, как и сотни лет назад, одним из условий прочного семейного союза. Не приучили их к этому труду с детства... Но у них была любовь, которая и помогла одолеть эти разъедающие, отравляющие жизнь мелкие бытовые трудности. Эта любовь помогла им сделать повседневный быт трудом нравственным, творческим, создать такую атмосферу в семье, при которой их детям, видимо, не придется начинать с того, с чего начинали родители...

Познакомился я с этой семьей, точнее, с ее главой, случайно. Будучи в одной из командировок, я опоздал на последнюю электричку, и до областного центра пришлось добираться почтово-багажным поездом. Вместе со мной сжалившийся проводник пустил в свое двухместное купе и молодого мужчину лет тридцати, а сам, сославшись, что должен быть при багаже, ушел.

Устраиваясь на верхней полке, я обратил внимание на то, как мой попутчик, поставив сумку, стал бережно укладывать цветы, стебли которых были предусмотрительно завернуты в мокрую газету. Он лег. Поезд тронулся. Букет качнуло. И я увидел, как его руки нежно обхватили цветы. Куда это вы с цветами на ночь глядя?

— Домой. Завтра, вернее, уже сегодня у нас с женой юбилей. Нашей семье двенадцать лет исполняется,— ответил он мягко.

— Что же вам перед «юбилеем» дома не сиделось?

Попутчик не заметил моей иронии и отвечал все так же спокойно и мягко:

— Надо было... Свадьба у брата. Он, чудак, наконец-то решился. Успел до тридцати.

— А что же вы жену с собой не взяли? Вместе бы и юбилей отметили...

— Да ей такие путешествия уже опасны. У нее роды через месяц. И детей надо было с кем-то оставлять. А мы этого не любим.

— Детей? Сколько же их у вас?

— Пока двое. Сыновья, — ответил он не без гордости.

— И третьего ждете? Вы, что же, нашли счастье в семейной жизни?

— Не знаю... Сразу и не ответишь. Все знакомые считают нашу семью чуть ли не идеальной. Но мы-то, честно говоря, не раз и о разводе подумывали. Припоминали, что и моя мама, и ее были против нашего брака. Им, наверное, и невест и женихов посолоннее хотелось. Да и мы, бывало, жалели, что сыграли свадьбу, когда нам было чуть больше чем по двадцать. Но, как говорится, «стерпится — слюбится». Хотя для нас эта пословица выглядит иначе: «Любится — стерпится».

Он говорил в темноту, как будто забыв о моем существовании:

— Помнится, «медовый месяц» мы решили провести в доме отдыха, поделив путевку на двоих. Но двоих на одну путевку не пустили. Это была наша первая семейная неудача. Возвращались мы к электричке по краю крутого оврага. Брели понурые. И вдруг прямо над головой курлыканье. Запрокинули головы: журавли! Совсем рядом, кажется, рукой достать можно. И летят таким дружным плотным, клином... Мы улыбнулись, взялись за руки да так и продолжали идти в ту же сторону, куда летели журавли. Тогда мы были твердо уверены, что рай возможен и в шалаше...

Я слушал, стараясь не шевелиться.

— ...Правда, шалаш наш был в двенадцать квадратных метров на третьем этаже кирпичного дома. Спасибо тестю — позаботился. Устроил родственник обмен, разъяснив свою позицию народной мудростью: «Любишь родных — уезжай от них». Началась наша самостоятельная жизнь, к которой, честно говоря, мы были мало готовы. Нет, нам и мебель кой-какая досталась: кровать, стол, два стула и этажерка. Но со всей остротой встала глубокая проблема мелких тарелок. И глубоких тоже. Посуды было много. Все гости на свадьбе, словно сговорившись, надарили нам разных сервизов. Но ведь надо всю эту посуду кому-то и мыть! Или вот еще проблема: кому первому вставать и готовить завтрак? Каково это было делать мне, человеку, за которым до двадцати лет ухаживали бабушка и мама? Да и Галине — младшенькой, любимице всей семьи — в прежние годы из работы по дому мало что доставалось.

И началось. Если она стирает, то носки мои и платки обязательно мне оставит — воспитывает. Посуду тоже мыли по очереди — через день. Даже график дежурства стали устанавливать, как в школе. А потом выясняли долго, кто график не соблюдает...

Приучение шло долго. Возраст... Журавлей мы вспоминали лишь иногда. Я все чаще уезжал к маме: посмотреть хоккейчик по телевизору, а главное, вернуться туда, где тебя ждали любовь, ласка, беззаботность, жалел о короткой холостой жизни. Не знаю, чем бы все это кончилось, не появился он, наш первенец — Антошка.

Поезд остановился на полустанке.

— Не утомил я вас? — прервал свой рассказ попутчик.

— Нет, что вы! Я, наоборот, боюсь, что мы скоро приедем, Продолжайте, пожалуйста.

— Не знаю, как у других, но Антошка появился для нас неожиданно, хоть и ждали мы его положенные девять месяцев. Только когда привезли домой этот маленький комочек, вдруг понял, что я за эту жизнь отвечаю. Не знаю перед кем, но отвечаю.

Через две недели у Антошки (у него тогда еще и имени не было) обнаружили воспаление среднего уха. Как же он кричал! Правда, от Антошкиного плача меня скоро отгородила больница. Но каково было Галине?! Она-то оставалась с ним... А в четыре месяца у него началось воспаление легких...

Вообще этот первый год Антошкиной жизни пролетел для нас как кошмарный сон. Хотя сна-то почти не было. Галина продолжала учиться на втором курсе своего педучилища (благо, на вечернем отделении, лекции через вечер), а я диплом писал. На работе оформили меня дежурным электриком, ходил через день. А вечером, когда особой работы нет, писать было удобно: тишина, только выпрямители гудят...

Дома, понятно, тишины не было. Утром, еще засветло, если дежурить не надо, бежишь на молочную кухню за детским питанием, днем, если свободен, по магазинам, а вечером — лекции. Если лекций нет, то пеленки. Галке моей, как назло, на втором курсе стали лекции по детской гигиене читать. Наслушалась она их и давай растить сына по науке. Кормила по часам, точность выдерживала до минуты. Мальчишка орет, надрывается. Вера Платоновна тогда скажет: «Галь, пора кормить мальчика». А она: «Нет, мам, еще рано». Я подойду злой (я Антошкиного крика панически боялся): «Да покорми ты, не слышишь — кричит парень». Она свое: «Нет, еще десять минут. У него режим».

Насчет пеленок Галкина гигиена тоже оказалась строга. Их надо было обязательно и прокипятить и прогладить с двух сторон. А пеленок у нас было много: не только сами купили, но и друзья надарили. И вот стою, глажу. Скучное это занятие, а я монотонности

не переносу. Для меня и в школьные годы намного легче было четыре часа в футбол гонять, чем десять минут бежать ровно и спокойно. Не знаю, как мне в голову это взбрело, только стал я гладить пеленки

на время. Соревнования сам с собой устраивал. Двадцать пеленок за двадцать минут! Потом стал гладить за семнадцать. А личный рекорд — двадцать три пеленки за четырнадцать минут.

Но дело, конечно, не в этих маленьких хитростях. Мыто с братом ведь без отца росли. Не знаю, чего тогда мой папаша испугался. Может, и пеленок, стеснявших его свободу. Он у меня человек творческий — артист. Только все равно подло бросать детей ради собственного удобства...

Попутчик мой замолчал, видимо, переживая нахлынувшие воспоминания, но через минуту продолжил:

— Такого я не желал ни Антошке, ни себе... Так что старался не замечать мелких стычек с женой и тещей. Да и стычки-то эти чаще всего бывали из-за того, что я не переносил Антошкиных слез. Мне хотелось, чтобы он улыбался как можно чаще. При каждом удобном случае я крутился около его кровати. Вопреки указаниям Галкиной гигиены носил его на руках. Выдумывал для него колыбельные песенки... Время летело быстро...

Антошка научился все делать быстрее, чем предсказывали Галкины учебники: и гулить, и сидеть, и говорить, и ходить... Исполнилось ему одиннадцать месяцев. Сняли мы у одной старушки дачу, вернее, комнату со старыми, обшарпанными обоями, с одним окошком. На большее у нас тогда денег не было, и так родители помогли. Но все-таки дача! Свежий воздух. Лужайка напротив дома. Через день, в воскресенье, одиннадцатого июля вывел, я на нее Антошку, на травку поставил. А сам как-то неловко плюхнулся на колени. Он делает два шага ко мне! Я тогда обрадовался — и кувыркот от него. А он заливается смехом и идет за мной. Один шаг, другой, третий. Так наш Антошка стал человеком прямоходящим. А нам стало полегче...

Он опять замолчал. Я тоже молчал и думал: «Только рождение ребенка делает нас по-настоящему взрослыми, сильными, трудолюбивыми людьми. До этого момента мы эгоцентричны, считаем себя вершиной мироздания. Все и все должны крутиться вокруг нас. А с появлением крохотного существа вдруг осознаем, что мы лишь маленькое звено в цепи поколений... Но сколько это придает сил, открывает умений, способностей, спрятанных до этого?! Вот и у моего попутчика; в общем-то, маменькиного и бабушкиного сынка, сколько терпения и трудолюбия обнаружилось! Как он это ловко с пеленками придумал! Была работа — устроил из нее соревнование с самим собой, и она стала вдохновенным трудом... А появились бы или проявились бы у него эти качества без любви к жене, к сыну? Будет ли он вот таким трудягой, если... Да не должно быть этого «если». Слишком любит он своего Антошку и легкой жизни за его счет искать не станет...»

— А почему вам, собственно, стало легче? — решил я проверить свои догадки. — «Большие дети — большие заботы», — гласит пословица. А вы, я вижу, следуете им.

— Да, вы, наверное, правы... Это мне в чем-то стало легче. С окончанием института кончилась моя отсрочка, и я ушел в армию. Служба мне досталась простая, караульная. Но однокашники мои мне казались наивными мальчишками — им по восемнадцать-девятнадцать, а мне уже двадцать четыре года. Шутка ли — отец семейства! Никто из них не ждал писем из дома так, как я. И никто, кроме меня, не получал столько замечаний от прапорщика за карманы, набитые письмами. Галка писала их через день.

А потом приехала с Антоном на целых четыре дня... До сих пор удивляюсь, как это моя Галка, вечно боявшаяся простудить сына, решила отправиться с ним за восемьсот километров (Антону тогда и двух лет не было).

А когда они уехали, я понял, что отец семейства я никудышный. Вот, думаю, вернусь скоро домой, перевезу от тещи Галину с Антошкой, а им вещи положить будет некуда: шкафа-то у нас нет. Ну ладно, шкаф в конце концов можно купить, но ведь он

займет половину комнаты, сынишке и побегать будет негде. И тогда я стал мебельщиком. Сколько я бумаги извел, вычерчивая проект стенного шкафа специально для нашей комнаты. Сколько этих проектов переслал Галине на утверждение! И первое, что сделал по возвращении из армии, это — напольно-пристенный допотопочный шкаф. Он и сейчас, несколько переделанный, верой и правдой служит нам в трехкомнатной квартире.

С тех пор, поверьте на слово, стал я неплохим специалистом по изготовлению мебели. Все школьные уроки труда вспомнил. Книжки стал читать по столярному делу. Три кресла смастерил, полки для книг, даже платяной шкаф с раздвижными дверями на колесиках. Сейчас вроде бы и деньжата есть, и можно обзавестись мебелью, как у людей, а не хочется. Не в стиль она будет. И нам с Антошкой еще что-то придумать хочется. Да и, если честно признаться, побаиваемся мы с ним, что без мужской работы в доме останемся...

— А вы считаете, что работу по дому надо делить на мужскую и женскую?

— Нет, не считаю. А все-таки она так и делится. И в нашей семье тоже. Вы ведь согласитесь, что к одной работе женщины лучше приспособляются, а к другой — мужчины? Не вечно же мыть одну тарелку вдвоем или по графику? Правда, я стараюсь придерживаться совета одного старого семьянина: «Хочешь, чтобы жена оставалась молодой и красивой — не жди, когда она возьмется мыть посуду, начинай сам». Да и Антошке надо подавать положительные примеры. Не начинать же ему свою семейную жизнь с наших посудных проблем? Но обед все равно готовит у нас мама. Хотя на нас, мужчинах, как правило, и покупка картошки, и засолка грибов на зиму, и полы, бывает, моем, стираем... Правда, последний год все больше на машине. Я и мясо пожарю, и печеночку потушу... Но для меня-то это все вроде развлечения. А супы, борщи и каши, как ни крути, все же на жене остаются. Но, между прочим, Антошка лет с девяти научился и картошку, и кашу, и суп варить, правда, рыбный. А сейчас для него даже яблочный пирог испечь не проблема. Мы как-то и не хлопотали, чтобы научить его этому. Просто крутился возле нас, помогал то маме, то папе. А может, жизнь заставила. Бабушки-то с нами не живут. И он у нас после рождения второго сына частенько за старшего в доме остается. Одна знакомая даже как-то удивилась: «Как же вы без телефона одних детей оставляете! Как же вы их воспитываете?» А я, честно говоря, боюсь, что поставят скоро телефон, и начнется эта «телефонная педагогика»: «Уроки сделал? Обед разогрел? В булочную сходил?..» И лишим ребят инициативы, ответственности за свое дело, решение...

Это только нам, взрослым, уборка, стирка мелочами кажутся. А для девятилетнего Антошки манную кашу для брата сварить — поступок, трудовой подвиг... А главное, любовь к брату не на словах... И без телефона он у нас помощником растет.

— Вы, я вижу, и педагог неплохой. Как вы до этого додумались? Или это влияние жены?

— Да мы как-то особо и не думали... Когда Лешке, младшему, года три было, болел он часто. Полгода из простуд не вылезал. Галине уж неловко было на работу больничные да справки носить. Врач говорит: «Выход один — отправить его месяца на два в Крым, чтобы прогрелся как следует на солнышке». Надо ехать, а денег не хватает. Мне стыдно стало: здоровый мужик, а семейство обеспечить не могу. Спасибо, приятель один посоветовал взять отпуск и устроиться в лесничестве на прочистке: вырубашь топориком все, что мешает расти деловому лесу, складывашь, а за каждый кубометр тебе полтинник платят. Не пробовали? Рекомендую. Прямо по науке: лучший отдых — смена деятельности. Я, правда, и раньше во время отпуска на пляже не валялся. В студенческие годы в экспедиции ездил, в стройотряд... А тут уже и возраст не тот, и связи порастерял... В общем, взял у приятеля адрес и уехал с Антошкой на месяц. Галина, надо сказать, к тому времени тоже проблему Крыма решила по-своему — устроилась с Лешкой на одну смену уборщицей в детский сад, выезжавший в Евпаторию. Но нам теперь хотелось всей семьей в Крыму отдохнуть хоть две недельки. У меня как раз и отгулов много набралось...

Приехали мы в лесничество. Поселили нас у одной старушки. В лес я сначала с Антоном ходил. Он мне, как мог помогал: валежник собирал. Работали спозаранку весьма лихо. Только он часа два веточки поносит и устал. Ребенок еще. Восемь лет мальчишке было. Да и комары в то лето очень донимали. Я сгоряча на него покрикивал, подгонял. думал — ленится. А потом понял: не по силам ему еще такая работа. Стал деревне его оставлять за кашевара. Старушка ему помогала, а он старушке, бабе Шуре. Добрая женщина... Днем он ко мне обед на делянку приносил. Чудесные это были обеды. Тишина. Ветерок тебя обдувает. Облака в небе... А мы с Антошкой лежим, запрокинув головы, и он меня о звездах, о вакууме, об атомах спрашивает... Что-то я разболтался. Вы там не уснули?

— Нет, и не думал. А почему вы о младшем ничего не рассказываете? Вы его меньше любите?

— Что вы! Лешеньку мы все любим как-то по особому. Он нас всех не только счастливее, но и мудрее сделал. Мы сейчас жалеем, что второй ребенок появился у нас только через пять лет после первого. Это нас первый Антошкин год так напугал. Не решались мы на второго ребенка. А решились тоже с перепугу. В четыре года пришлось положить Антошку на операцию — грыжа. Операция пустячная, но мы перепугались. У нас в доме соседский мальчонка умер, потому что родители поздно спохватились эту самую грыжу вырезать. А без детей мы своей семьи уже не представляли...

Боялись мы и разницы в возрасте. Сколько братьев вырастают чужими людьми! А еще боялись, что старший будет ревновать нас к младшему. Одинокие дети все немножко эгоисты...

— Бывает и не немножко...

— Антошка, правда, сам мечтал и просил братика... Галина давала ему живот послушать, готовила. А когда в роддом ушла, мы с Антоном такие приготовления развернули... И в магазины, и к друзьям за ванночкой, коляской, колыбелью, пеленками бумажными — везде его с собой возил. Комнату тоже готовили вместе — все пропылесосили, вымыли... И вот привозим Галину с Лешенькой домой. Теща, оценив генеральную уборку, залюбовалась колыбелькой: «Что, Антон, хороша корзинка?» А он ей: «Тот, кто в корзинке — еще лучше!» Мы с Галиной радостно переглянулись. Потом она меня еще долго хвалила за педагогическую подготовку... Помню, месяца три прошло, Галина уехала подругу навестить. Остались мы — три мужика — хозяйствовать. Лешка играл-играл погремушками, потом хныкать начал. Я бросился на кухню кефир греть. Пока согрел, слышу, уже молчит. Вхожу в комнату и вижу: Антошка, само пятилетний карапуз, вытащил его из корзинки, на свой диван положил и перепеленать пытается. А младший лежит, от удивления глаза вытаращил и силится улыбнуться...

Лешка и ходить, и говорить стал намного позже Антона, а вот улыбаться намного раньше... Он у нас дитя радости! Спасибо Антону, это он нас многому научил... С Лешкой минут кормления не выдерживали. Хотел есть — кормили. Нет — не надо. Пеленок с двух сторон тоже не гладили — бумажные появились. Антона я приучал терпеть поражения. Играем с ним в хоккей во дворе, одну игру проиграю, а другую обязательно выиграю, несмотря на его слезы. А Лешку мы приучаем к победам. Антона старались держать в строгости, я даже за ремень не раз хватался, а он нам истерики такие закатывал, что мы из-за него в гости перестали ходить. Для Лешки тоже существует слово «нельзя», но оно у нас растянуто во времени. Спички жечь детям нельзя, но с папой вместе можно. Долго спички тоже жечь нельзя, но можно последний раз — и все... У детей, как у машин, инерция существует. И с ней считаться надо...

— Да, опыт великая вещь. Но вы не боитесь избаловать младшего?

— Нет, не боюсь. Он людей любит, а они его. В детский

сад после болезни рвется. Приведешь — ему ребята навстречу бегут. В автобусе, на даче и взрослые, и дети к нему тянутся, а он к ним. Всем всегда помочь хочет... А Антон другой. Я боюсь, что первые пять лет нашей излишней строгости не остались бесследными... Помню, когда он учился во втором классе, приходит с единицей за контрольную по математике. Стали разбирать — все правильно решает, без ошибок.

«Почему же ты контрольную не сделал?» — «А я не знал, как правильно задачу записать», — отвечает. Понимаете, одну задачу! Весь урок мучился, а спросить побоялся. Выходит, зажат был, не уверен в себе. И я понял, что тут больше моя вина: это я приучал его бояться ошибок и отцовского гнева после них. Лешка никакого ремня не знает, Если что не так сделает, мы его скорее пожалеем, чем ругать будем. А он от этого не хуже, а лучше становится: увереннее, спокойнее, добрее.

Недавно, в субботу, приходит Антон из школы. Шесть уроков, потом макулатуру собирали — устал, конечно. Плюхнулся в кресло — сапоги грязные выставил. Галина только собралась намекнуть ему о необходимости уважать труд уборщиц, а Лешка подходит и кладет перед братом его тапочки... Вот так он нас всех доброте и вниманию учит. Но и ему сестренка нужна. Антон ведь много лучше стал с появлением брата...

Попутчик мой замолчал. Весь рассказ его подкупал искренностью. Я радовался его умению преодолевать трудности, исправлять свои ошибки, работать по дому, для дома и над собой. Да и это скорее не работа, а труд, за которым стоит большое желание. И это желание передается жене, детям, создает то, что называют атмосферой, духом семьи.

— Вы знаете, сейчас во многих молодых семьях живут по принципу «кто кого»? Проблема лидерства, как говорят ученые. Вы никогда над этим не задумывались? — Вопрос мой прозвучал как-то наукообразно, и я попытался его исправить. — Ведь многие ссоры возникают из-за того, что один не считает нужным уступить, прислушаться к мнению другого. Вы, я вижу, как-то научились это преодолевать...

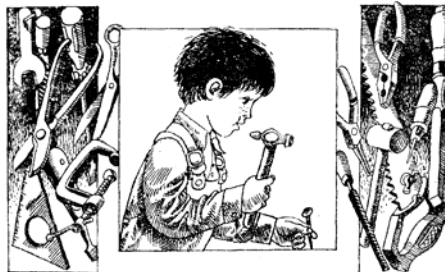
— Научился ли? Я перед отъездом с Галиной чуть не поссорился... По части хозяйства она у нас в семье командир. А вот с мальчишками я больше занимаюсь. На днях купила она пару светильников, на шарнирах такие, знаете? Стал я приспособливать один на кухне, на том месте, где она хотела, вижу: он там ни к селу, ни к городу. Я ей об этом сказал, она обиделась, но промолчала. Чтобы ее успокоить, стал второй в спальне у ребят прикручивать. Антошка инструмент подносит, Лешка за молоток схватился — тоже помогать хочет. А я работаю и думаю: «Ну что я за глупец! Разве дело в этом светильнике?» Пошел с ребятами на кухню, и там повесили.

— Вы не спите, ребятки? — в купе вошел проводник.— Минут через десять приедем.

— А в Векшине остановитесь? — спросил мой попутчик, поднимаясь. — Мне от него до дома ближе.

— Так сейчас Векшино и есть. Еще минуту постоим. Пойдем, открою.

Попутчик стал быстро собираться. Я тоже встал. Мы пожали друг другу руки. Он ушел. В купе остался запах цветов...

Потом, спустя несколько лет, вспоминал я эту встречу в поезде, чтобы еще и еще раз убедиться и убедить других: свои проблемы мы решаем сами — их за нас никто не решит. А когда мы эту старую истину забываем, когда пытаемся переложить устранение наших неурядиц на плечи других, тогда-то и нас, и наших детей подстерегает печальное одиночество.

Начинается это одиночество обычно в школе, когда дети сталкиваются с одним из самых сложных видов труда — с трудом учебным, который включает в себя и физический, и умственный, и нравственный труд. Успехи, продвижение, неудачи в этом виде труда не так очевидны и для детей, и для взрослых, как в более простом — физическом. И это создает дополнительные трудности и для учителей, и для детей, и для родителей. В первую очередь, конечно, для учителей, у которых так много учеников, и для детей, у которых с годами становится все больше и больше преподавателей.

Вот тут-то и должны прийти на помощь родители. Почему-то многие из нас, видя, как тяжело дается малышу завязывание шнурков, бросаются ему помогать: одни завязывают за него, другие помогают более вдумчиво — объясняют, как это лучше сделать. Но почему-то часто помощь не приходит, когда у того же малыша, только чуть постарше, не удаются первые буквы, не решаются первые задачи... Родители уповают на школу, школа — на родителей. А между ними и без них остаются беспомощные дети. Ведь именно отсутствие нашей помощи, вдумчивого внимания приводит к тому, что появляются среди детей отпавшие.

Появляются они не сразу, не с первой нерешенной задачей или с невыученным стихотворением. Они постепенно выпадают из общего круга сверстников, очень незаметно. Ведь они не уступают им ни в росте, ни в весе, ни в силе... Мы потом, упустив невозвратное время, замечаем их умственное и нравственное отставание и начинаем их корить, «воспитывать», перекладывая на них ответственность за собственные ошибки, и творим еще большую несправедливость и безнравственность, сетуя на плохую молодежь. Но не появляются ли такие дети и ученики у родителей и учителей, которые сами были

ОТПАВШИЕ...

Звонок, возвещавший начало первого урока, резко взорвался на высокой ноте. Его трель еще долго звучала в прохладе мартовского утра. Но звонок заливался не для него. Подхватив не столь уж тяжелый портфель, Валентин Липин — ученик 7-го «А» класса, как значилось в документах, — зашагал к лесу.

Среди неторопливо перешептывающихся сосен он может бродить часами. Тихо, спокойно вокруг. Никто не закричит на тебя. Никто не будет показывать пальцем и галдеть:

«Смотрите, ребята! Толстенький-то наш опять на физкультуру в брюках пришел! Стесняется!..» И никто не будет требовать от тебя, как на уроке географии, чтобы ты без запинки назвал «восемь составляющих природного комплекса». Вот он, весь этот комплекс, перед глазами. Сейчас прибежит Найда и будет ласково, радуясь встрече, вилять хвостом, лизать руки и, заглядывая в глаза, как бы спрашивать: «Чего грустный?» А потом, почуяв случайного зайца, бросится за ним вдогонку, заливаясь басовитым простуженным лаем...

Дождавшись, когда бабушка проковыляет к магазину, можно вернуться к дому, собрать дошкольную малышню и, захватив удочки, махнуть на озеро. И, расчищая ото льда лунку, терпеливо объяснять малышам, почему глупые окуньки предпочитают всей наживке мормышку. Надергав окуней, можно развести костер, погреться и, глядя на бледное пламя в ярком свете весеннего дня, забыть прошлые неприятности и ожидание будущих обид.

Домой нужно вернуться часам к трем: пока мать не пришла с работы. Бабка, заметив, что он пришел с удочкой, а портфель почему-то валяется в углу, конечно, раскричится. Придется цыкнуть на нее, чтобы не кричала... Нет, лучше . предложить ей дать ему денег, и он сбегает в магазин, купит молока, которого с утра не было. Бабулька — человек жалостливый, отходчивый, . матери выдавать его не будет. Может, потому, что жалеет ее, свою дочь, рано оставшуюся без мужа с двумя сыновьями?.. Если бабушка не проболтается о его прогулах, то мать не побежит с утра к школе, не будет на

глазах у половины поселка поджидать на крыльце Веру Петровну и спрашивать: «Ну, как там мой?» Тогда можно еще пару дней пожить спокойно, а потом... Запутался он совсем, и лучше не думать о том, что будет дальше.

Это были не первые прогулы Липина. И в журнале 6-го класса напротив его фамилии стояли настораживающие буквы «н», обозначающие пропуски. Особенно много их было в клеточках на страницах русского языка, географии, физкультуры... Но год назад это никого не волновало. И классный руководитель Вера Петровна, подводя итоги года, благодушной рукой обозначила все пропуски Липина, как пропуски по болезни.

Волнения начались летом, когда вместо того, чтобы убирать вместе с одноклассниками школу «во время практики», Валентин Липин отправлялся с удочкой на пруд, что в двух шагах от дома. Это вызвало естественное возмущение всех. Правда, мама уверяла, что у него болела нога, но справки от врача, по словам Веры Петровны, никакой не представила...

И первые страницы дневника уже семиклассника Липина украсили записи, стоящие рядом в разительном контрасте, который не мог не вызывать недоумения: «Летняя практика — 2... Колхоз — 4» («колхоз» — означает работу в последнюю неделю сентября на уборке моркови и свеклы). Почему, имея за летнюю практику два, Липин все-таки оказался в седьмом классе? Может, поверили, что у него болела нога, и простили? Но почему тогда всплывает эта двойка в следующем учебном году? Что она тогда выражает? Упрямую объективность или месть рядом с вынужденным великодушием (на второй год нельзя оставлять — процент успеваемости испортится!)?

Поведал Валькин дневник и о других проблемах. Отметки за первую и вторую четверти настораживали, грозили вторым годом: русский — 3, 2; алгебра — 2, 3; геометрия — 2, 3; физика — 3, 2; география — 2, 2; физкультура — 2, 2... И только по труду стояли радующие глаз две твердые четверки.

Но школу тревожило не это. К подобным отметкам у Липина все давно привыкли. «Мальчик плохо учился еще в начальной школе, — говорила мне Вера Петровна. — Когда я приняла четвертый класс, то обнаружила... что не все ребята приняты в пионеры. Это был Валя... Ну, мы приняли его в... пятом классе (!)». Вот так! Если не ладится с учебой, то печать изгоя ляжет на тебя сразу же, независимо от других твоих человеческих качеств.

Липин серьезно встревожил учителей и одноклассников только в седьмом. Мальчишка стал прогуливать целые дни. За первое полугодие прогулял более 300 уроков! «Откуда же тут взяться знаниям!» — возмущались учителя, видимо считая, что у Липина знания были раньше. Но никто не задался вопросом; «Почему он бегаёт от нас?» Кульминация наступила в третьей четверти, когда после зимних каникул Валентин в школу не пришел. Надо было принимать меры. Как всегда срочные...

И на квартиру к Липиным отправилась Вера Петровна. Уговаривала вместе с мамой прийти в школу: Уговорила. Пришел. Через неделю опять стал прогуливать. Показалось обидным, что в январе, припомнив историю с «практикой» в июне (!), Вера Петровна заставила убирать кабинет.

Теперь классный руководитель направилась к Липиным вместе с инспектором по делам несовершеннолетних. У сотрудника милиции набор методов привлечения к учебному труду оказался более широким. Липина предупредили, что за невыполнение закона о всеобщем обучении он будет поставлен на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, а если и дальше будет прогуливать, то его отправят в колонию «за бродяжничество».

Это возымело действие. Линии опять появился в школе. Но опять ненадолго. В тот же день, то ли торжествуя победу, то ли желая нагнать страху для более успешного обучения, учительница географии Юлия Семеновна задала вопрос не без подтекста: «Что, Валя, решил ко мне в класс перебраться для повторного обучения?»

И Липин снова загулял. Теперь не помогали ничьи разговоры. И для матери у него теперь был один резон: «А что туда ходить? Все равно на второй год оставят!»

И мать продолжила «помощь» сыну. Она отправилась к заведующему роно с просьбой приостановить издевки над сыном. Конкретных фактов, кроме перечисленных «мелочей» да еще того, что как-то на Валю накричал учитель физкультуры за то, что тот не мог постоять за себя в стычке с одноклассниками, привести она не смогла... Сын мало что рассказывал матери. «Он с малых лет, как и я в детстве, растет замкнутым, стеснительным», — оправдывалась она, женщина боевая и далеко не застенчивая.

Узнав о визите в роно, школа, на которую за пять лет существования не было жалоб, перешла в контратаку. На следующий день Липин был поставлен на учет в инспекции по делам несовершеннолетних, а на работу Лидии Ивановны было направлено составленное вместе с милицией письмо, в котором указывалось, что мать мало уделяет внимания воспитанию сына. Спустя несколько дней на предприятие отправилась делегация, состоящая из авторов письма, и совместно с директором завода было «принято конкретное решение»: разрешить Лидии Ивановне приходить на работу на полчаса позже для того, чтобы она могла утром проследить, пошел Валентин в школу или нет.

Видимо, по мнению авторов этого «конкретного решения», в создании условий для слежки родителей за детьми и заключается помощь матери в воспитании любви к школе, к учебному труду.

Недоумевал не только я. Лидия Ивановна никак не могла понять, почему, за что ее ославили как плохую мать сначала в поселке, а потом и на работе? Какие же преступления совершил Валентин, о котором все — и учителя, и ученики — в один голос говорили, что он и мухи не обидит? За что надо было ставить его на учет в милиции наравне с преступниками? Обида застилала глаза...

Не видела, не замечала Лидия Ивановна, что из года в год сын не только удаляется от учения, от школы, но и от нее самой. Отчужденность, замкнутость по отношению к людям далеким еще как-то можно объяснить, но чем объяснить точно такое же отношение к родной матери? Не понимала она, решая вопросы личной жизни, что для воспитания сыновей ей необходимы не только сумки, полные разнообразных продуктом, но и общие дела, заботы, развлечения, общение, постоянная помощь в учении — нужны постоянные духовные контакты.

Это понимают в школе. В разговоре со мной и директор, и учителя, и инспектор по делам несовершеннолетних с завидным единодушием проводили эту мысль: «Мать сыном не занимается. Нет у них общих интересов. Не спросит она его, какую книжку читал, не предложит вместе сходить в театр. Она лишь жалеет его и не замечает, что растит лодыря, тунеядца, не приученного к преодолению трудностей!»

В этих словах была горькая истина. И я все ждал, когда же после ее констатации будут сделаны педагогические выводы, когда учителя вспомнят о главном предназначении школы — учить, учить не только детей, но и родителей, не имеющих профессионального педагогического образования. Я ждал услышать и хоть одно похвальное слово в адрес матери, растящей без отца, рано умершего, двух сыновей, двух будущих защитников Родины. Но не услышал. Вместо этого звучали другие выводы — все объясняющие, но ничего не меняющие в жизни: «Она хочет, очернив нас, выгородить себя. Идет на конфликт со школой и не замечает, что настраивает сына против школы. Как она может плохо говорить об учителях?!»

Все эти выводы и вопросы были адресованы мне. Но разве нельзя было объяснить то же самое матери, только тоньше, тактичнее, другими словами, а самое главное, с другой заинтересованностью?..

— Вы должны защитить! — обратилась в коридоре ко мне одна учительница.

— Кого и от кого? — уточнил я.

— Ну, конечно, нас от нападков матери! — удивилась она.

— А может быть, нам всем вместе надо защищать мальчишку от него самого, от неумения работать за партой, от одиночества, от неудачно складывающейся судьбы, у истоков которой мы оказались?

Такого ответа от меня не ожидали...

Неожиданные ответы приходилось выслушивать и мне. Одна из бойких одноклассниц Валентина стала уверять меня, что Липина надо выгнать из школы, что своим поведением он тянет назад их лучший пионерский отряд в школе. На мой вопрос «Что важнее: отряд, класс или человек?» она без тени сомнения ответила:

— Ну, конечно, класс!

— Но ведь человеку жить и жить среди людей долгие годы, а класс через каких-нибудь два — четыре года, как только вы закончите школу, перестанет существовать.

— Ну и что ж! Память останется, грамоты... Я снова и снова оказывался в тупике. Неужели никто не может понять, что нельзя называть лентяем, бездельником мальчишку, у которого по труду только четверки и пятерки, мальчишку, что не хуже других одноклассников работал в колхозе? Да, у него есть так называемая «учебная лень». Но ведь она появилась не вдруг. Она росла, формировалась прежде всего в школе, в этой самой школе, где вместо требовательности и помощи его ожидали тройки за исправное посещение уроков. И дома внимание к сыновьям проявилось лишь в том, что мать купила им цветной телевизор. Так ли уж трудно было всем тем, кто выставлял тройки, заметить, что из года в год у Липина накапливалось непонимание, что из года в год он отставал от одноклассников в знаниях, в умении работать за партой. И только в одном не мог отстать и не отстал — в осознании своей личности, своего достоинства. Он начинает становиться мужчиной, не таким, каким бы нам всем хотелось его видеть, но мужчиной со своей гордостью. А одиночество и его отсталость делали его школьную неполноценность в лучшем классе школы еще более выпуклой. И он нашел самую легкую и самую мирную форму протеста — уход.

В таких условиях был только один педагогический, а не административный выход: помочь Валентину одержать хоть маленькие, но победы в учении, как можно реже ранить самолюбие четырнадцатилетнего подростка. Для подобных ран в этом возрасте не надо даже колких слов, достаточно насмешливого взгляда, ироничной улыбки...

Меня уверяли, что ему «помогали» не только тем, что исправно выставляли в дневник Липина двойки и писали замечания, но и организовывали дополнительные занятия с ним. Правда, он от них постоянно уклонялся... Я попросил Веру Петровну рассказать, как проходило хотя бы одно занятие. Она (классный руководитель) не знала, как проводят занятия другие учителя, и рассказала о своих, по русскому языку. Суть их сводилась к тому, что Липни получал на дом дополнительные задания...

Я бросился объяснять Вере Петровне, что для таких отставших ребят, как Линии, дополнительные задания без помощи, без объяснения, без совместной радостной, победной работы — лишь дополнительный груз, а они-то и ежедневный уже поднять не в силах! «Мы все знаем, — разъяснял я,

— что Земля имеет шарообразную форму, но подавляющее большинство из нас самостоятельно, без посторонней помощи никогда бы этого не поняли! А разве мало таких вещей в науке?!»

«Пусть мама-инженер поможет: у нее высшее образование!» — последовало возражение на мои призывы. Я готов был спорить дальше. Но вспомнил учительницу биологии повстречавшуюся в коридоре. На мой вопрос о дополнительных занятиях она заметила, что у нее 529 учащихся с четвертого по десятый класс, и ей трудно подумать о каждом... И я замолчал.

У каждого участника этой истории находились не только требования к другим, но и извинительные вроде бы причины для себя. Правда, в последние годы все чаще и чаще употребляется другой, более удобный термин — «объективные причины». Эти «объективные» причины, как всемогущий идол, парализуют личную ответственность, совесть, ум, волю человека, дают возможность искать истоки неурядиц, где угодно, только не в себе самом, и глушат, может быть, самый главный двигатель человечности — требовательность к самому себе.

«Учитель живет, пока учится, учитель учится, пока живет» — эта давняя истина отнюдь не утратила своего значения», — говорил Г. А. Алиев на сессии Верховного Совета СССР, во время обсуждения Основных направлений реформы школы. И эта

формула нужна не только учителям по должности. Мы все становимся учителями, как только у нас появляются дети. Взрослость, вероятно, в том и состоит, чтобы не требовать, а отдавать, не поучать, а совместно учиться. Не сможем мы вдохновить наших детей на преодоление трудностей даже самыми звонкими и красивыми словами, если сами не преодолеваем их, не преодолеваем делами своими и, споря с другими, не учимся одновременно спорить с самим собою. Умеем ли мы, прежде чем спросить с другого, спросить с самого себя: все ли я сделал, что было в моих силах, в моей душе? Способна ли эта душа понять другого человека? Умею ли я смотреть глазами другого человека на сложившуюся ситуацию?

И, может быть, тогда вся эта борьба за судьбу Валентина Липина не превратилась бы в борьбу за свой престиж и не осталось бы места ненужным амбициям? Может быть, не пришлось бы ученику 7-го «А» класса бегать с уроков от своих учителей и одноклассников, не пришлось бы играть в молчанку с родной матерью? И, может быть, Лидия Ивановна поняла бы, что воспитание не сводится к питанию и присмотру за детьми, и свою безоговорочную требовательность к не менее требовательным учителям сменила бы на совместный поиск помощи попавшему в трудное положение сыну, и не только бы пыталась переделать окружающих его людей, но и помогла бы сыну в упражнении его психики на жизненную устойчивость? И, может быть, Валентин сам бы начал понимать, что человек может жить человеком только среди людей и только таких, какие они есть?

Я изменил имена героев, точнее, персонажей этой истории, потому что сейчас, во всяком случае внешне, конфликт улажен. Валентин Липин ходит в школу, вместе с учителями пытается устранить свои пробелы, и они одерживают первые, пока очень скромные победы в учении. Над Валентином взял шефство любимый им, да и всеми ребятами, учитель труда, коммунист Алексей Петрович Вибров, с которым у Вали никогда не было конфликтов. Все это я узнал, побывав в школе еще раз — через полгода после эпопеи «принятия мер»...

Алексей Петрович — в прошлом рабочий одного из крупных заводов — взял на себя то, что должны были сделать и учителя, и родная мать, сваливавшие вину друг на друга. Он стал более подчеркнуто и при ребятах, и при учителях отмечать у Валентина то, что и так можно было бы давно заметить другим — умение добросовестно работать. Хорошо выточил деталь — похвалил, убрал за собой рабочее место — отметил... Вроде бы пустяки. Но с похвалой авторитетного учителя меняется и отношение одноклассников к Валентину, меняется и его оценка окружающих и оценка самого себя. Мы смотрим на себя прежде всего глазами других, уважаемых нами людей. И если они начинают видеть в нас хорошее, то и мы постепенно открываем это в себе.

Советы Алексея Петровича все больше становятся для Вали советами наставника. «Конечно, уроки труда — не уроки географии или русского языка!» — возразит кто-то. Да не с уроков труда, но с труда воспитателей и воспитанников все-то и начинается. О человеке, а тем более о ребенке, подростке нельзя судить только по результатам его деятельности. Судить, оценивать его надо прежде всего по его устремлениям, ибо они, а не достигнутый результат, — залог дальнейшего развития человека.

На этом можно было бы, как говорится, поставить точку. Но не повторится ли подобная история в другом месте? Хочется верить, что не повторится. В ходе осуществления реформы школы осужден пресловутый процент успеваемости, предложено «разработать научно обоснованные критерии оценки работы учителя и школы в целом, повысить ответственность их за объективную оценку знаний учащихся». И хочется верить, что среди многочисленных или немногочисленных критериев оценки работы школы на одном из первых мест окажется и такой: хочется ли каждое утро идти в нее нашим детям, идти с радостью и с такой же радостью возвращаться домой. Хочется верить, что и у большинства учителей и родителей рядом с высокой требовательностью к себе и к своим детям будет стоять и творящая чудеса

ПОХВАЛА

Так называемый малый педсовет проходил спокойно. Еще пока не дошла очередь до моего обществоведения, по которому у пяти десятиклассников выходили двойки. До конца полугодия оставалось две недели. Эти двойки явно портили полугодовой отчет школы, снижая и без того низкий процент успеваемости.

Были за мной и другие грехи. Дело в том, что у этих пятерых вместо текущих двоек оставались в классных журналах пустые клетки с непозволительной точкой в левом нижнем углу, сообщавшей лишь мне да моим ученикам о незнании темы урока. Я руководствовался основными принципами известного учителя-новатора В. Ф. Шаталова. Уже полтора года преподавал обществоведение, используя опорные конспекты, в которых с помощью знаков (многие из них мы придумали вместе с ребятами) сразу записывались на одном тетрадном листе темы двух-трех уроков. Учиться многим стало легче. Опорные знаки-сигналы вызывали ассоциации, будили память, позволяли легче, шире, глубже запоминать и отвечать сложный материал. Передо мной же открылась возможность по центральным темам проверять подготовку каждого из 36 – 40 учеников в классе: знать пробелы каждого!

Но до сих пор оставались такие ученики, которые, не подготовившись к уроку, получив двойку на своем контрольном листе, продолжали спокойно сидеть за партой, не думая ни о консультациях, ни о том, чтобы ответить на перемене или после уроков. Я давно уже понял, почему так происходит. Они были уверены, что рано или поздно у них все равно появится тройка. Разгорится сыр-бор на малом педсовете по поводу отчета, и я в конце концов уступлю. Так ведь происходит не только с обществоведением...

Но меня давно бесило это безделие за партой, прикрываемое поговоркой «три пишем, два в уме». Бесило уже во многом оформившееся равнодушие этих ребят к своему учебному труду. Именно из таких «троечников» вырастают очковтиратели: строители, что сдают дом с удовлетворительной оценкой и большими недоделками, те, кто получает незаслуженные премии, за счет тех, кто работает. «Троечник» — это не просто троечник. Это жизненная позиция: довольствоваться малым и в конечном счете за чужой счет.

Я все больше и больше понимал и другое: двойки, проработки никого, как говорится, на подвиги не вдохновляют. Это может сделать только похвала, но заслуженная похвала. Я

ждал прихода моих двоечников, подхваливая других, ждал после пламенных уверений, что человек, если он хочет быть человеком, способен на гораздо большее, чем он себе представляет. Но они не шли. Приближался последний час, час расплаты. Но он приближался и для меня. Дошла очередь и до моего обществоведения.

— Скажите, пожалуйста, — обратилась ко мне директор, — почему по вашему предмету выходит так много двоек?

— Видимо, потому, — стараясь не пускаться в полемику, сдержанно ответили, — что по наиболее важным темам я опрашивал всех, а не как обычно — выборочно. И еще, видимо, потому, что эти пять человек уверены, что получают в конце концов тройки...

— Работать надо лучше! — съязвила учительница, у которой в конце каждой четверти в журналах не было двоек, но и четверок с пятерками было негусто.

— А как вы с этими, в общем-то, слабенькими ребятками работали? — вновь обратилась ко мне директриса.

Вздыхнув, в который раз я начал объяснять одно и то же (подобные диалоги повторялись в конце каждой четверти, так что не привыкать!):

— Убеждал на примере других, приглашал на консультации... Двери моего кабинета открыты до пяти вечера, но не для них. Приходили другие, спрашивали, отвечали, получали вместо двоек и троек четверки и пятерки, а самое главное — знания, умение работать, уважение к себе. А эти не приходили — ждут незаслуженных троек, но больше не дождутся. Хватит портить людей. В конечном счете, — продолжал нарочито монотонно твердить я, — двойки не нужны ни вам — они портят отчет, ни мне — они

портят отношения с учениками, а в итоге — учеников. Но и липовых троек больше не будет...

На этот раз после моего монолога ожидаемого взрыва не последовало. Видимо, предыдущие споры до хрипоты не прошли бесследно.

— Хорошо, — ответила директор. — Если за оставшееся время они придут и ответят, вы им поставите тройки? И не в отчете дело, как вы полагаете! Да, Копылова и Хомутов и по другим предметам не занимались, прогуливали. Но вот посмотрите: Антонников, Левицкий, Петренко — это же совсем слабые ребята! Их пожалеть надо! Ну, что поделаешь, не дается им учеба!..

— А за что их жалеть? Они что — инвалиды?! У них что, черепная травма в детстве была?! Это ведь мы их с вами да еще родители такими вырастили! — взорвался я.

— Скажите прямо, — оборвала меня. Тамара Андреевна, — вы будете с ними работать?! Вы еще раз спросите их?

— Я же сказал, что двери моего кабинета открыты еще минимум три часа после уроков. Спрошу. И не раз. Если надо будет, объясню и только потом спрошу. Но придут ли?

— Придут, — заверили меня.

На том и разошлись.

На другой день в начале большой перемены, понуриив голову, возвышался надо мной Антонников:

— Какие темы мне отвечать?

— Какие знаешь, — внешне безразлично ответил я.

— Мне бы подготовиться... С чего начинать учить?

— Давай-ка начнем с политэкономии, с труда. А то тебе, видимо, не совсем понятно, что откуда берется и какой ценой, — вспоминая педсовет, предложил я. — На уроках ты был или присутствовал? Был? Хорошо, возьмешь, учебник, опорные конспекты. Почитаешь — вспомнишь. Что непонятно будет, подходи — объясню, можешь и у ребят спросить... И пойми ты, наконец, что не случайно обществоведение изучается в выпускном классе. Это же основа мировоззрения, миропонимания. Ну, неужели ты не видел, как я бился над тем, чтобы до каждого из вас дошла мудрость и красота законов диалектики, хотя их давно почему-то исключили из экзаменационных билетов. Пойми, обществоведение, как и математику, хотя бы за то любить надо, что оно «ум в порядок приводит»! И политэкономия тебе еще не раз в жизни пригодится, ведь через полгода работать пойдешь...

Не знаю, доводы мои возымели действие или что другое, но на следующий день Антонников пришел выяснять, что такое «абстрактный труд» и что такое «норма прибавочной Стоимости». Мы разбирались на переменах. После уроков Антонников привел своего приятеля Левицкого. Наш маленький семинар набирал силу. Вопросов у них становилось все больше. Я отвечал, но при этом пытался им показать, что многое они могут понять сами.

И был еще день. Снова большая перемена. Антонников и Левицкий подошли отвечать тему «Товар и его свойства». Начал Антонников. Но как! Поглядывая на опорный конспект, где; кроме условных значков, ничего не было, он говорил как по-писаному. «Зазубрил начало», — мелькнула нехорошая мысль. Но Антонников продолжал говорить все так же ровно и спокойно, со знанием дела, с уверенностью в себе. И я не выдержал.

— Идите сюда все! — позвал я ребят, оставшихся в кабинете. — Послушайте, как человек отвечает! Извини, Андрей, продолжай... (Почему-то вспомнилось его имя, которого я уже давно не произносил.)

И Андрей продолжил. Это была музыка.

— Умница! — снова закричал я, когда он закончил, и не совсем по-учительски добавил: — Ну, ты даешь!

Задав ему несколько контрольных вопросов, я убедил и ребят, что это не было пустой зубрежкой от сих до сих. Сам я в этом убедился раньше. В глазах Антонникова светилась мысль, светился человек. Как же так случилось, что такого Антонникова я увидел впервые, хотя преподавал в его классе уже седьмой год?

И учителя, и ребята все шесть с половиной лет считали его сереньким учеником. И он привык считать себя таким. И дома ему никто не помог утвердиться в обратном — ни папа — инженер, ни мама — преподаватель музыки. Почему-то нас всех устраивала его серость. Может, потому, что он тихий, флегматичный, на уроках не буянит, не прогуливает. В общем, не мешает. И все шло своим чередом, но куда?

— Еще что знаешь, Андрей? Закон стоимости? Давай! Помешал звонок. Он пришел после уроков и снова отвечал блестяще, вторую тему, третью!

— Слушай,— сказал я, — ставлю тебе три пятерки. В полугодии могу вывести среднюю три, но мне этого не хочется. Ты способен на большее. Правда, пять не получится, слишком много времени упущено, но у нас впереди второе полугодие... А пока давай разберемся с истматом. Согласен?

Застенчиво улыбнувшись и все еще клоня голову, Антонников прошептал:

— Согласен.

И еще были дни. Теперь Антонников и Левицкий отвечали поочередно. Добрались мы и до любимой диалектики. Это был праздник! Он дополнился появлением Петренко. Пришла все-таки! Правда, с ней у нас такой песни не сложилось. До конца полугодия оставалось три дня... Но оно не последнее.

В зимних сумерках я уходил из школы. Где-то там, в темноте, мелькнули в очереди за елкой Копылова и Хомутов. Ее зовут Света, а его Вадик. С ними праздника у меня не получилось... Да и почему так долго пришлось его ждать с Антонниковым? И ждал ли? А может, сам его губил? Ведь в судьбе Андрея наверняка сработали и мои скоропалительные двойки... Спасибо Виктору Федоровичу Шаталову — научил, приоткрыл глаза...

Дома ждала неприятность: сын получил по русскому языку двойку за диктант. Жена была расстроена, сын тоже.

— Стоит ли портить себе настроение по пустякам? Были двойки — будут и пятерки! Главное — не вешать носа! — утешал я сына, вспоминая Андрея Антонникова. — Ну-ка, носи тетрадь!

Он принес ее, как и Антонников, опустив голову.

— Что, двойка слишком тяжела? Э, да тут всего четыре ошибки! На неопределенную форму глагола три, да на безударную гласную. Помнишь, как с ней расправляться? Поставь ее под ударение! А к глаголам вопросы — что делал? Что сделал? Что сделать? Слышится мягкий знак — пишешь,

не слышится — не пишешь... Все просто. Иди, возьми листочек и поупражняйся. Вспомни схожие слова, сочини рассказец. Иди, иди!

Отослав сына в дальнюю комнату и плотно прикрыв дверь кухни, я зашептал, высказывая все, что понял сам не так

давно:

— Неужели она не видит последствий этих двоек? Ведь третий десяток лет работает в школе! Стоит только полистать его тетрадь — вопят последствия этой двойки! Гляди, — обращался я к жене, — в упражнении такого же объема, как диктант, уже не две, не четыре, а семь ошибок! Помнишь, как он в сентябре взхлеб рассказывал об уроках русского, когда пятерки приносил... Да и не в пятерках было дело. Он же сам рассказыки сочинял. Ему интересно было. А теперь он о русском и не вспоминает, разве что когда с повинной идет! Что же делать? Как объяснить таким людям, как Наталья Петровна, что подобная строгость излишня? Прежде чем покарать, семь раз отмерить нужно!

— Да успокойся ты! — осадил жена. — Правильно Наталья Петровна делает. Он разболтался. Надо построже с ним.

— А что от этой строгости? Грамотнее он стал? Нет. А при этом веру в себя теряет. Желание теряет. Пройдет года три-четыре — воскрешать бросимся! Не поздно ли будет? Убедить ребенка, подростка в том, что он слаб, что он неуч, очень легко. Он действительно слаб, он действительно неуч! И это можно делать даже без благих побуждений, так, неосознанно. Достаточно на его вопрос, что означает это слово, раздраженно бросить: «Все давно знают, а до тебя не доходит?» И можно даже не раздраженно, а так, между прочим, походя. И он зажметесь, замолчит, затаив обиду, а вместе с нею и непонимание. И оно будет расти, как снежный ком. Откуда это в нас порой малозаметное пренебрежение, брезгливость какая-то по отношению к детскому незнанию, неумению? У многих взрослых при разговоре с детьми даже тон особый: начальственный, покровительственный. Не пора ли приучить себя уважать открытое честное незнание не меньше, чем знание?

А может, даже и больше... С осознания незнания, неумения и начинаются поиски, начинается творчество. Порывы эти и поддержать, и убить легко, возродить намного труднее...

Ужин давно остыл. Да и есть уже не хотелось. Хотелось спать. Но продолжали дожимать вопросы, продолжался спор с самим собою.

А не перегибаю ли я палку, что о двух концах? Как часто встречается и другое, особенно в семьях, где растет единственный ребенок. Всеохватное покровительство, «счастье» под колпаком. Двойку получил? Не расстраивайся. Учитель плохой — он тебя не понимает... Во Дворец пионеров с товарищами картингом заниматься? Не езд. Далеко. Мало ли что случится... На почте хочешь телеграммы разносить? Зачем? Что у нас папа мало зарабатывает, что ли? Многие ли подростки решают сами за себя, а не мы за них? Иждивенчество в решениях рождает иждивенчество в поступках, в образе жизни, равнодушие даже к самому себе. Принизить ребенка можно не только высокомерием, но и вот такой опекой, что, в сущности, одно и то же. Видимо, в педагогике, как и в любом другом деле, мастерство в значительной степени определяется чувством меры, единством заботы, уважения и требовательности к детям. Только при этом условии можно вырастить человека, который стремится жить и работать, увеличивая предел своих возможностей.

...После декабрьских морозов пришел мягкий январь. Началось второе полугодие. Антонников продолжал учиться и получать пятерки. И каждый раз, входя в 10-й «Б», я бросал взгляд на первую парту у стены и мысленно шептал:

— Держись, Антонников! Не унижай себя, не принимай снисхождений — живи по большой мерке!

Трудности, если они преодолеваются, способствуют становлению личности. Вот почему в трудную минуту рядом с ребенком, подростком, юношей должен оказаться взрослый, способный не только помочь, но и объяснить, что это преодоление необходимо.

Научиться преодолевать трудности без уверенности, что это нужно тебе, другим людям, невозможно. Наша- уверенность — следствие нашего опыта, наших предыдущих успехов.

Но для скольких мальчишек и девчонок эта уверенность в себе, в своих силах исчезает по мере перехода из класса в класс? Первые, часто неизбежные неудачи в учебе, порой не зависящие от школы и от учителя, рожают у многих детей представление о себе как о неудачнике, неумехе, жалком троечнике... Многие из нас стараются не замечать первых двоек, троек, четверок сына или дочери. Другие, наоборот, журят, угрожают, наказывают. Но помогаем ли мы детям в том и в другом случае преодолеть неудачу, предопределяющую другие неудачи и уничтожающую в

конце концов уверенность в себе, без которой не родится привычки к труду, к преодолению трудностей?

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ДУШИ

Уверенность и самоуверенность, наглость и баловство, неряшество, пренебрежение собой и другими людьми... Как научить детей видеть и отличать эти и многие другие качества в себе? Ведь не вечно же мы будем для них воспитателями, а они воспитуемыми... Лучший итог воспитания — самовоспитание. Как наряду с трудом физическим, умственным, приучать детей, подростков к труду духовному? Эти вопросы не раз и не два задают и учителя, и родители — все, кто так или иначе связан с воспитанием детей, а следовательно, и с самовоспитанием. Где взять инструмент, который бы помог нам в этом?

По выражению К. Маркса, каждый изначально «смотрится, как в зеркало, в другого человека». А это значит, что только мы сами, своим поведением и своим отношением к детям, к другим людям помогаем им создавать себя.

— Пап, тебя вызывают в школу. — Сын стоял, опустив голову, упорно рассматривая незамысловатый рисунок паркетной дощечки. Обнаружив, что взрыв родительского гнева не последовал, продолжил: — Понимаешь, захожу я на перемене в мастерскую. У нас труд был. А в меня тарелка летит. Левушкин бросил. Я поймал — ив него. Там еще пятеро наших ребят было. И все кидались. — Сын делает ударение на слове «все» и замолкает.

Я сдерживаюсь, чтобы не сказать что-нибудь вроде: «А если бы все в колодец прыгнули...» Молчу. Жду продолжения.

— Потом нас к директору вызвали. На собрании в классе разбирали. А завтра линейка... Мы мастерскую после этого убрали!

— Сами решили!

— Нет, директор заставил... — Сын опускает голову.

Мальчишка, конечно, раскаивается. Но не столько в том, что вольно или невольно испортил чужой труд, а скорее в том, что так глупо попался. И в школе ребят укоряли не за то, что они не сумели вовремя остановиться, взглянуть на то, что творят со стороны, а за то, что своей выходкой мальчишки чуть не сорвали важное мероприятие.

Психологи давно выяснили: рост самосознания значительно отстает от роста сознания. Даже двенадцатилетний подросток, если сердится, объясняет это тем, что кто-то его рассердил, если совершил плохой поступок, то в этом виноват кто-то, но не он. И только в четырнадцать-шестнадцать лет, считают психологи, юноша или девушка по-настоящему глубоко начинают размышлять о себе, о своих поступках, о своем труде — растет самоконтроль... Но всегда ли?

Субботник был в самом разгаре. Корзины с прелой листвой летели в машину. Вместе с ними долетали реплики первокурсниц одного техникума, с которыми пришлось работать:

— Что ты делаешь? Разве так лопату держат!

— Да ты лучше посмотри, как ты грабли положила! За другими замечаешь, а себя не видишь!

Не правда ли, картинка, характерная для многих перебранок и более взрослых людей? Но, вероятно, это самый сложный труд: научиться видеть себя со стороны, оценивать объективно свою работу, научиться спрашивать с себя и в мелочах, и в главном? И не приходит это умение автоматически с возрастом.

Вспоминается сосед по коммунальной квартире, в которой я когда-то жил. Это был умный, наблюдательный, но вместе с тем желчный старик, редко прощавший чужие ошибки. Он любил рассказывать, что всегда был отличником: и в школе, и в вузе, и в аспирантуре. Правда, в своей науке сколько-нибудь заметных вершин он так и не взял. Но считал, что во всех учреждениях, где он работал, его зажимали всякие проходимцы,

постоянно встречавшиеся на его пути. Как-то раз я рискнул усомниться в том, что так уж «все проходимцы», но натолкнулся на такую отповедь, что возражать ему вслух больше не решался. Он не терпел возражений ни в чем. Последних друзей, вернее, приятелей он растерял на моих глазах. Говорили, что у него есть взрослые дети, однако никто никогда их не видел.

Теперь я понимаю, что горьким своим одиночеством человек этот расплатился за неумение трезво оценивать самого себя. Но не была ли его вина, обернувшаяся бедой, заложена еще в школе, в семье? Не отомстила ли за себя та самая завышенная самооценка, которая стала следствием бездумного умиления лишь его результатами в учебе и со стороны учителей, и со стороны родителей, славших из деревни последнее для сына-отличника?

Никто не научил этого отличника разбираться в себе, в своих поступках, в своем деле, отличать дурное от хорошего. А как это сделать? Создаем ли мы это зеркало, о котором писал К. Маркс, для своих детей? Наверное, да. Но какое?

Пришли гости. Пятилетний Толя с удовольствием запускает только что подаренный ему автомобильчик. Подходит его сверстник Сережа и тоже тянется к автомобильчику. Хозяин не дает, нарушая непонятные еще ему в силу возраста законы гостеприимства. Перетягивание игрушки заканчивается криком. Гостеприимные родители тут же бросаются разрешать конфликт. Разумеется, в пользу гостя. А разревевшегося хозяина мама уводит в другую комнату. Пытаясь отвлечь Толю, сует ему в руки другие, старые, игрушки, старается объяснить, что ему уже надо уметь думать и о другом человеке, которому тоже хочется поиграть.

Однако думать о ком-то другом в эту минуту Толя просто не в состоянии: все его мысли и чувства поглощены подарком. Да, мама заставляла его не думать, а действовать по принятым нормам, как действовала сама, не думая о собственном сыне, не смотрясь в него, как в зеркало, и невольно подогревала его раздражение против обидчика, на стороне которого почему-то оказались родители... Так мы учим не видеть, а ненавидеть других.

Можно ли было по-другому решить эту задачку? Думается, да. Старые игрушки следовало показать мальчику-гостю. Многие из них, наверняка, оказались бы для него новыми, неизвестными, и он бы на время увлекся ими. А потом можно было бы поговорить и с наигравшимся сыном: «Видишь, Сережа очень расстроился. Автомобильчик-то останется у тебя навсегда, а Сережа скоро уедет. Дай ему поиграть, ты же не жадный, а добрый мальчик». И Толя поймет. Ему захочется быть лучше. И он увидит, как отразится его добрый поступок в том же Сереже, да и в глазах других окружающих.

К сожалению, слишком часто мы оказываемся закрытой книгой для детей.

Мама пришла с работы. День сложился неудачно. Слишком долго собирала дочку в детский сад и опоздала на совещание... Начальник вызвал к себе и высказал неудовольствие ходом работы над проектом... Десятилетний сын, видя сумрачное лицо мамы, встревожено спрашивает:

— Что случилось?

— Ничего у меня не случилось. Все в порядке. Ты бы лучше посуду вымыл, чем расспрашивать!

Мужественный ответ, не правда ли? За этим ответом может стоять и нежелание втягивать мальчишку во взрослые проблемы, и стремление не распускаться самой, и просто усталость. Но захлопывая вход в свой внутренний мир перед детьми, мы нередко отучаем их от стремления всматриваться в других людей, а следовательно, и в себя.

Раскрывая же перед детьми свое состояние, мы раскрываем перед ними возможность более глубоко и правильно понимать людей. И посуда была бы вымыта, но не по указке, а по более высокому побуждению. Без труда духовного (сочувствия, сострадания) нет труда физического, остается одна работа.

Побуждать к труду духовному и сложно, и просто. Сложно, если нет этого труда у нас самих, и просто, если дети его видят каждый день. Для этого надо почаще задавать

себе вопрос первостепенной важности: «А прав ли я?» Но привычно ли для нас, взрослых, сознаваться перед детьми в своей неправоте и стараться исправить ошибку на глазах детей?

Всегда ли мы используем часы и минуты общения с ребенком специально для создания этого зеркала для души? Не подменяем ли эти редкие часы в лучшем случае радостной возней на диване, просмотром хоккейного матча, художественного и не очень художественного кинофильма... Всегда ли мы готовы отказаться от этого удовольствия, чтобы почитать вместе книгу, задуматься над поведением его героев, а потом незаметно переключить разговор на самих себя, вспоминая прожитый день, решить: кого понял, кому посочувствовал, кому помог? А в выходной, по дороге в кино или в лес, пытаемся ли всмотреться вместе с детьми в попутчиков, стараясь понять их профессию, настроение, характер, поведение? Приучая детей быть наблюдательными, мы вместе с тем приучаем их видеть и себя со стороны, глазами других людей, с которыми и для которых они живут и будут жить и трудиться в недалеком будущем.

Но есть и более серьезные упражнения. Народная учительница СССР Т. И. Гончарова использует для этого так называемые «чистые четверги» — классные собрания, на которых одноклассники по жребию открыто высказывают отношение к товарищам по классу, к их делам и поступкам. Одновременно они учатся лучше понимать друг друга и самих себя. В основе «чистых четвергов» — бытующая в подростковом и юношеском возрасте игра «во мнения». Но почему бы не проводить такие игры и в семейном кругу? Они не только сблизят детей и родителей, но и помогут тем и другим взглянуть на себя иначе.

Опытные учителя часто используют и такой прием: сделал ученик упражнение, решил задачу, а теперь проверь сам и оцени свою работу. Этот прием можно перенести и на семейную почву. Вымыла дочка пол. Не будем спешить хвалить ее или бранить. Попросим девочку через полчаса — час саму оценить достоинства и недостатки сделанного. Выучил сын заданное на дом стихотворение, попросим прочитать его перед микрофоном домашнего магнитофона, а потом вместе послушаем — пусть сам заметит свои удачи и промахи.

Только так, каждодневно, но ненавязчиво, учитывая желания и устремления детей, должны мы помогать им создавать зеркало для души. Без него невозможны в более зрелом возрасте не только точная самооценка и взаимопонимание между людьми, но и самодисциплина, самовоспитание, без которых не мыслится никакой труд, никакое трудное счастье. А оно только таким и бывает...

* * *

На этом, вероятно, и следует закончить книжку. Ведь труд — это основа, основа преодоления трудностей в окружающем мире и в самом себе, основа развития, основа человеческого счастья. Не научив детей видеть и преодолевать трудности, не воспитав привычку к труду, мы лишаем их богатства, гораздо большего, чем «все золото Калифорнии». Но рядом с трудом физическим и умственным должен быть и

труд нравственный, возвышающий. Без этого труда — труда нет, остается одна работа...

В ходе обсуждения Основных направлений реформы школы раздавались голоса о том, что развитие трудового воспитания может оказать и вредную услугу, что не на всякое предприятие можно и нужно допускать детей.

— А вдруг дети научатся безответственности, бесхозяйственности, увидев ржавые куски железа на заводском дворе?! — восклицали они.

— Ничего, пусть... Зато это заставит взрослых подтянуться! — возражали другие.

А третьи думали: «Все будет зависеть от того, кто будет вместе с детьми. С помощью одних дети ничего не заметят и пройдут мимо, с помощью других — увидят и ужаснутся, а с помощью третьих — засучат рукава и отправят железо, на переплавку...»

Труд и воспитание... Воспитание и труд. Эти понятия должны стоять в нашем сознании рядом, неразрывно, рядом. Без их единства, без их взаимодополнения невозможно развитие ни наших детей, ни нас самих, ни нашего общества. И об этом нам надо помнить в ходе осуществления реформы школы, которая должна стать и реформой нашего педагогического сознания.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. М., 1984.
Крупская Н. К., О политехническом образовании, трудовом воспитании и обучении. М., 1982.
Макаренко А. С., Трудовое воспитание. Минск, 1977.
В о л к о в И. П., Приобщение школьников к творчеству. М., 1982.
Волков И. П., Учим творчеству. М., 1982.
Диалоги о воспитании. М., 1982.
Сухомлинский В. А., О воспитании. М., 1975.
Умом и сердцем. М., 1982.
Ушинский К. Д., Труд в его психологическом и воспитательном значении.— Избр. пед. соч. Т. 1. М., 1974.
Шаталов В. Ф., Как и куда исчезли тройки. М., 1980.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Для чего нужны трудности?	5
Фабрика в расписании	12
Не живет село без школы	18
Найти себя	26
Для чего кружки в школе?	38
Трудное счастье молодой семьи?	59
Отпавшие...	72
Похвала	81
Зеркало для души	89
Рекомендуемая литература	95

Валерий Евгеньевич Храпов **ВОСПИТАНИЕ И ТРУД**

Главный отраслевой редактор *Р. Д. Смирнова* Редактор *О. Г. Свердлова* Младший редактор *Е. С. Волкова* Художник *В. И. Провалов* Художественный редактор *Т. С. Егорова* Технический редактор *С. А. Птицына* Корректор *Н. Д. Мелешкина*

И Б № 7207

Сдано в набор 07.12.84. Подписано к печати 04.02.85. А09152. формат бумаги 70X108,'з2. Бумага тип. '№ 3. Гарнитура новая газетная. Печать высокая. Уел. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,55. Уч.-изд. л. 4,68. Тираж 529450 экз. Заказ 3147. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова. д. 4. Индекс заказа 852103. Типография издательства «Советская Сибирь». 630048, Новосибирск, Немировича-Данченко, 104.